

ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ XX ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

История Русской Православной Церкви неслучайно привлекает сегодня повышенное внимание ученых многих стран мира. В последнее время в России, впервые после Октябрьской революции 1917 г. коренным образом изменилось отношение к религии. В связи с рассекречиванием большого количества архивных материалов у историков появилась возможность на обширной документальной базе изучать уникальный опыт существования Церкви в условиях тоталитарного коммунистического, антирелигиозного режима. Особенный интерес, как представляется, имеет история обновленческого церковного движения в России.

Хронологические рамки работы охватывают 1905–1946 гг. Первый рубеж обусловлен началом организационного оформления реформаторского «новоправославного течения» в годы Первой русской революции, хотя обновленческое движение имеет гораздо более длительную предысторию. Основное же внимание уделено периоду раскола в Русской Православной Церкви 1922–1944 гг. К концу Великой Отечественной войны почти все обновленцы, не без давления государственных органов, раскаялись и воссоединились с Патриархией. Лишь небольшая группа лиц из ближайшего окружения последнего Первоиерарха митр. Александра Введенского продолжала функционировать до его смерти в 1946 г. Время фактического исчезновения обновленчества с исторической арены и является завершающей гранью работы.

Основной целью статьи является изучение истории православного реформаторства в России в 1920–1940 годы. При этом ставились задачи: вскрыть его содержание, внутреннюю противоречивость, показать основные намечавшиеся преобразования и реформы, определить этапы, рубежи обновленческого движения, выявить основную тенденцию, динамику его развития, причины угасания и конечного краха. Проблема рассматривается в значительной степени на материалах Петрограда — Ленинграда, «колыбели» обновленчества и его традиционного центра, положение в котором во многом определяло и ситуацию в стране в целом.

Источниковую основу работы составляют в первую очередь архивные документы. Большая часть сведений была собрана в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), содержащих документы, проливающие свет на историю обновленчества в рамках епархий Северо-Запада России.

Местные епархиальные власти лишь несколько лет назад получили возможность создавать собственные полноценные архивы, материалов до 1945 г. в них почти нет, и поэтому источники, содержащиеся в ЦГА СПб, являются

уникальными. Значительная часть их ранее была закрыта для исследователей, другая находилась в свободном доступе, но практически не вовлекалась в научный оборот.

В ЦГА СПб по избранной теме хранятся в основном материалы государственных учреждений, регулирующих деятельность религиозных организаций в северо-западных губерниях. Наиболее крупный комплекс документов хранится в фонде Петербургского горисполкома (7179), в описи дел городской комиссии по делам культов. Это прежде всего дела по наблюдению за деятельностью храмов Петербурга с 1917 г., в том числе и всех обновленческих «твердынь»: исторические справки, анкеты и списки членов «двадцаток», священнослужителей, протоколы приходских собраний, переписка и т.д. Значительную ценность представляют материалы об открытии и закрытии храмов, проведении религиозных праздников, регистрации религиозных обществ, изъятии церковных ценностей в 1922 г. Аналогичные сведения по другим городам Ленинградской области содержатся в фонде Леноблисполкома (7179). Основным источником для изучения проблем зарождения обновленческого движения, а также религиозной политики Советского государства в 1918–1919 гг. являются фонды ЦИК и Совета Комиссаров Союза коммун Северной области (143) и Комиссариата внутренних дел СКСО (142). На основании циркуляров и распоряжений НКВД, VIII (церковного) отдела Наркомата юстиции они дают представление о деятельности центральных властей в этом вопросе. Сохранились в указанных фондах и письма, заявления, резолюции Петроградского митрополита Вениамина. Ценные сведения можно почерпнуть из документов Петроградского губернского совета (ф. 1000), в ряде стенографических отчетов и протоколов его заседаний за 1922–1927 гг. отложились материалы обсуждения депутатами различных религиозных вопросов.

Обширное собрание материалов за 1920-е гг. содержится в фонде Петроградского губернского отдела управления (1001) — протоколы заседаний и отчеты о деятельности столов регистрации, сводки об общем, политическом, административном состоянии районов города в период религиозных столкновений, изъятие церковных ценностей, переписка с епархиальным советом, обновленческим епархиальным управлением (ЛЕУ), митрополитами. В указанном фонде, а также в документах Ленгорисполкома имеются стенограммы, протоколы епархиальных собраний и съездов обновленцев, списки и анкеты членов ЛЕУ. Документы районных столов регистрации сохранились далеко не полностью, лучше они представлены в фондах Петроградского (101), Московско-Нарвского (104) и Центрально-городского (56) райисполкомов.

Следует упомянуть и материалы о духовном образовании в епархии, в фонде Богословских института и училища (8952), несмотря на все преграды сумевших просуществовать до конца 1920-х годов. Наконец, последний период деятельности обновленцев, гибель движения в годы Великой Отечественной войны освещают документы фонда Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Ленинградской области (9324). Много ценных сведений о последних годах обновленчества было найдено в фонде Совета по делам Русской Православной Церкви Государственного архива Российской Федерации (6991).

Автору удалось познакомиться в начале 1990-х годов с несколькими рассекреченными документами Архива президента Российской Федерации, еще до их публикации в сборнике «Архивы Кремля». Это письма Л. Д. Троцкого, возглавлявшего государственную религиозную политику в начале 1920-х гг., в Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 марта и 24 мая 1922 г. Они ярко свидетельствуют о том, что захват церковной власти обновленцами проводился под давлением и при активном содействии государственных органов. Кроме того, ряд подборок документов из истории Русской Православной Церкви были изучены в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

При написании работы использовались отдельные публикации советской периодической печати 1920-х гг.: некоторых общесоюзных газет «Известия», «Правда» и ленинградских — «Красной газеты», «Ленинградской правды». Привлекались и статьи ряда религиозных журналов, как обновленческих — «Живая Церковь», «Вестник Священного Синода Православной Церкви», так и патриарших — «Журнал Московской Патриархии».

Глава 1.

РОССИЙСКОЕ РЕФОРМАТОРСТВО НА ВОСХОДЯЩЕЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ

1.1 *Первые опыты церковной реформации в России. Кампания изъятия церковных ценностей 1922 г. и «майский переворот» в Русской Церкви*

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви имеет длительную предысторию. Но организационно реформаторское «новоправославное» течение начало оформляться в годы Первой русской революции. В тот период «обновление Церкви» стало одним из популярных лозунгов в либеральной интеллигентской среде. Среди активных реформаторских деятелей того времени можно назвать епископов Антонина (Грановского), Андрея (Ухтомского), думских священников отцов Тихвинского, Огнева, Афанасьева. В Петрограде в 1905 г. в этом направлении работал кружок «32 священников». Уже в дореволюционном обновленчестве ясно ощущались внутренние противоречия, пронизывавшие позднее раскол. Хотя в целом движение в 1905–1917 гг. оставалось в русле кадетского либерализма, целый ряд его деятелей примыкали к крайним радикальным партиям — социал-демократам, эсерам и т. п. И тогда в различные программные документы проникали узко сословные требования об ограждении прав приходского духовенства¹. Официальное руководство Церкви относилось к «новоправославным» идеям с большим подозрением и порой применяло различного рода репрессии к их выразителям.

---

¹ А. Левитин, В. Шааров. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Кюснахт, 1978. С. 6.

После Февральской революции 1917 г. в обстановке фактического паралича церковной власти обновленческие лидеры смогли довольно широко развернуть свою деятельность. По инициативе бывших членов кружка «32 священников» 7 марта в столице возник «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян». Среди его руководителей особенно выделялись известный проповедник священник Александр Введенский и смелый новатор, примыкавший к крайним радикалам, убежденный сторонник ориентации Церкви на рабочий класс о. Александр Боярский. Крупной фигурой был также прот. Иоанн Егоров, умерший от сыпного тифа в 1920 г., но успевший основать особую церковную группу «Религия в сочетании с жизнью», просуществовавшую до 1927 г. «Всероссийский союз» пользовался поддержкой Временного правительства и издавал на синодальные субсидии газету «Голос Христа», а к осени организовал издательство «Соборный разум», выпускавшее одноименный журнал. Наряду с требованиями широких внутрицерковных реформ, выступая под лозунгом «Христианство на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации», он сближался и с социалистическими идеями².

Кроме того, возникла и официальная «реформация», руководимая назначенным Временным правительством обер-прокурором Св. Синода В. Н. Львовым. Под его покровительством выходил «Церковно-Общественный Вестник», взявший девизом лозунг «Свободная церковь в свободном государстве», в котором активно работали профессор Духовной Академии Б. В. Титлинов и протопресвитер Г. Шавельский. Но на открывшемся в августе 1917 г. Поместном Соборе сторонники обновленчества оказались в явном меньшинстве. Сильный удар по их основополагающей идее соборного управления нанесло восстановление Патриаршества и избрание на этот пост митр. Московского Тихона (Белавина). В результате, к началу 1918 г. у руководителей «Союза демократического духовенства», по воспоминаниям Введенского, созрел план разрыва с официальной Церковью. Но до реализации его дело не дошло, сторонников оказалось очень мало³.

Октябрьскую революцию петроградская группа реформаторов встретила в целом положительно. С марта 1918 г. она начала издавать газету «Правда Божия», в которой критически оценила воззвание Патриарха от 19 января, предававшее анафеме «врагов истины Христовой»: «Кто хочет вести борьбу за права духовенства, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафематствовать, а просветлять, одухотворять, претворять ее». В декрете об отделении Церкви от государства усматривались прежде всего положительные стороны, ускорявшие «дело внутреннего церковного освобождения», хотя с рядом положений его и выражалось несогласие⁴. Под руководством А. Введенского стала выходить серия брошюр «Библиотеки по вопросам ре-

² А. А. Шишкин. Сущность и критическая оценка «Обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970. С. 121.

³ А. И. Введенский. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг.). М., 1923. С. 109–110, 215.

⁴ А. И. Кузнецов. Обновленческий раскол в Русской Церкви. Т. I. Астрахань, 1956–1959. Машинопись. С. 83.

лигии и жизни», рассчитанных на массового читателя. Авторитет А. Боярского был очень велик у рабочих юго-восточных районов столицы, в 1918 г. вышла его книга «Церковь и демократия (спутник христианина — демократа)», пропагандировавшая идеи «христианского социализма». Являясь сторонниками вовлечения духовенства в политику на стороне новой власти, петроградские обновленцы некоторое время безрезультатно пытались создать и христианско-социалистическую партию. Подобные попытки предпринимались в 1919 г. и в Москве свящ. С. Калиновским.

Уже в годы Гражданской войны некоторые сторонники церковных реформ добивались у властей разрешения на создание широкой обновленческой организации. В 1919 г. А. Введенский был принят председателем Коминтерна и Петросовета Г. Зиновьевым и предложил ему «конкордат» — соглашение между Советским правительством и реформированной Церковью. По словам Введенского, Зиновьев ответил ему: «„Конкордат“ в настоящее время вряд ли возможен, но я не исключаю его в будущем... Что касается вашей группы, то мне кажется, что она могла бы быть зачинателем большого движения в международном масштабе. Если вы сумеете организовать нечто в этом плане, то, я думаю, мы вас поддержим»⁵.

В это же время деятели петроградской группы «демократического духовенства» установили связи со старообрядцами и сектантами и попытались частично изменить курс и структуру церковного руководства. В 1919 г. в Москве с разрешения Совнаркома существовало объединение различных сектантских группировок — «Объединенный совет религиозных общин и групп». У некоторых священников возникла идея включить в него представителей Православной Церкви и образовать из этого совета руководящий орган для всех религиозных организаций, независимо от исповеданий, лояльный к советской власти. Он должен был называться «Исполнительный комитет духовенства», однако Патриарх не дал благословения на его создание⁶.

Завязывавшиеся контакты «реформаторов» с официальными властями в тот период порой на местах облегчали положение духовенства в целом. Так, когда в сентябре 1919 г. в Петрограде планировались различные антицерковные акции — арест и высылка священников, изъятие мощей св. князя Александра Невского, митрополит Вениамин послал к Г. Зиновьеву с заявлением будущих обновленцев А. Введенского и Н. Сыренского. Визит этой делегации возымел действие, антицерковные акции были отменены⁷.

Следует отметить, что канонизированный в 1992 г. Петроградский Владыка Вениамин (Казанский), очень популярный в простом народе, был сам не чужд некоторым нововведениям. Столичным митрополитом он был избран с большим отрывом от конкурентов 24 мая 1917 г. в результате двухступенного голосования всех православных христиан Петрограда.

⁵ А. Левитин, В. Шавров. Указ. соч. С. 54.

⁶ Н. Ф. Платонов. Православная Церковь в 1917–1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 229.

⁷ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 79, д. 24, л. 14–17.

Владыка понимал, что некоторые предложения группы «демократического духовенства» являлись вполне справедливыми, в Православной Церкви назрела необходимость определенных преобразований. В 1919–1921 гг. он приблизил к себе А. Введенского. В Петроградской епархии при покровительстве митр. Вениамина стали применять русский язык для чтения шестопсалмия, часов, отдельных псалмов и пения акафистов, составленных даже с использованием рифмы и несколько русифицированного текста, народное церковное пение и т. д.

Патриарх также не относился принципиально отрицательно ко всяким церковным реформам. Он и в своем соборе разрешал иногда, чтобы часть богослужения шла на русском языке. Однако в этом вопросе Патриарх все же был гораздо категоричнее Петроградского митрополита, считая, что введение даже не слишком значительных изменений должно решаться всей Церковью на Соборе. Когда же новшества стали получать относительно широкое распространение во многие епархиях, он прибегнул к запрещениям. Так протоиерей И. Ф. Егоров был лишен прихода и умер, отвергнутый официальной Церковью. 17 ноября 1921 г. Патриарх написал послание о запрещении нововведений в церковнобогослужебной практике: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатнодейственного церковного богослужения... должна сохраниться в Святой Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее Ее достояние...»⁸.

Послание оказалось неприемлемым даже для многих, во всем остальном послушных Патриарху, священнослужителей и вызвало их протест. К Петроградскому митрополиту направилась делегация в составе архимандрита Николая (Ярушевича), протоиереев Боярского, Белкова, Введенского и др. Как позднее вспоминал последний, в разговоре с Владыкой они «получили его благословение служить и работать по-прежнему, невзирая на волю Тихона. Это был своего рода революционный шаг со стороны Вениамина. По другим епархиям декрет Тихона принимается к сведению и исполнению»⁹. В конце 1921 г. Патриарх наложил запрещение на епископа Антонина (Грановского), проживавшего на покое в Москве, в связи с его нововведениями в богослужении. Постепенно складывалась группа духовенства, оппозиционная церковному руководству, уже вскоре громко заявившая о себе.

В 1922 г. произошло значительное изменение положения всей Русской Православной Церкви. Из гражданской войны она вышла в основе своей не сокрушенной. Но уже вскоре власти стали разрабатывать планы кардинального «решения» проблемы существования религиозных организаций в Советской России. Они расценивались как оппозиционная враждебная сила, к тому же располагавшая значительными материальными ценностями, которые предполагалось изъять. Ситуация, существенно облегчившая наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. В письме для

⁸ Л. Регельсон. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 275.

⁹ А. И. Введенский. Указ. соч. С. 242.

членов Политбюро 19 марта 1922 г. В. И. Ленин писал: «... данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 93-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»¹⁰.

Постепенно появились и планы произвести раскол, создать более покорную церковную организацию. В результате дискуссий в ЦК РКП(б) и СНК пришли к выводу, чтобы руководство Православной Церковью в довольно сжатые сроки взяло в свои руки духовенство, абсолютно лояльное Советской власти и правительству¹¹.

В докладной записке Л. Д. Троцкого от 30 марта, утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому духовенству: «Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью... Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... К моменту созыва нам надо подготовить теоретическую пропагандистскую кампанию против обновленной церкви. Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш...»¹². Таким образом, власти изначально планировали использовать обновленцев в своих целях, а затем по существу предать их.

После первых сообщений о голоде в Поволжье Православная Церковь сразу же откликнулась на это событие. Еще в августе 1921 г. она создала епархиальные и всецерковный комитеты для оказания помощи голодающим. 19 февраля 1922 г. Патриарх выпустил послание: «разрешить приходским советам жертвовать небогослужебные предметы»¹³. Декрет ВЦИК от 23 февраля о немедленной конфискации церковных ценностей был полной неожиданностью для духовенства. Различные инструкции, реальные действия местных властей показывают, что этот документ трактовался

¹⁰ Новые документы В. И. Ленина (1920–1922 гг.) / Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191.

¹¹ В. А. Алексеев. Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции?» // Диалог. 1990. № 10. С. 98.

¹² Архив президента Российской Федерации, ф. 3, д. 63, л. 73–74.

¹³ Л. Регельсон. Указ. соч. С. 278–279.

очень широко. На практике проводилась линия лишения Церкви ее почитаемых святынь. В ответном послании Патриарха от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, религиозным общинам возбранилась добровольная передача священных предметов, но при этом общины призывались к милосердию и щедрости в сборе иных средств. Так вспыхнул новый трагический конфликт Церкви с государством.

В Петрограде первоначально сложилась иная ситуация. Митрополит Вениамин, стараясь прямо не переступить осуждающей воли Патриарха, все же стал проводить более компромиссную политику. Выдвинув определенные условия, он пошел на переговоры с городским руководством. Владыка соглашался уступить ценности, но без насильственного изъятия, как вольную жертву: «Это Богово, и мы все отдадим сами». 5 марта в Смольном состоялись успешные переговоры митрополита с городскими властями. Президиум губисполкома санкционировал для местной комиссии Помгола право пойти на многие уступки: духовенству предоставлялась возможность присутствовать и самим производить изъятие, участвовать в запечатывании, установлении точного веса ценностей в губфинотделе и даже сопровождать церковные ценности до места назначения, пока они не превратятся в хлеб¹⁴. Петроградский Совет первоначально считал, что единственная цель декрета об изъятии — получение в свое распоряжение церковных ценностей и поэтому держался примирительной политики.

Потепление отношений между городскими и епархиальными властями продолжалось недолго. Соглашение от 5 марта так и не было реализовано. Оно не отвечало сути государственной церковной политики в тот период. Под воздействием центра был заменен состав Петропомгола. 18 марта ответственным руководителем его оказался назначен бывший председатель петроградской ЧК, сторонник жесткой линии И. Бакаев¹⁵. Городские газеты начали кампанию против «князей церкви» (уже давно идущую по стране). Посланцам митр. Вениамина, явившимся, как было условлено, уточнить детали соглашения, объявили, что ни о каких «пожертвованиях», ни о каком участии представителей верующих в контроле не может быть и речи.

Владыка отреагировал посланием, в котором выражалось сомнение, что все изъятые святыни пойдут на помощь голодающим, говорилось о крайности этой меры и обязательности благословения Патриарха на нее, о необходимости относительной самостоятельности Церкви в данном вопросе. Завершалось послание угрозой, что если власти приступят к насильственному изъятию, то данный акт будет объявлен кощунственно-святотатственным, и за участие в нем миряне подвергнутся отлучению от Церкви, а священнослужители — извержению из сана¹⁶. Положение обострилось тем, что в середине марта у Казанского собора и Сенной площади произошли столкновения верующих с членами комиссии по изъятию. Значительные группы прихожан отличались гораздо большей оппозиционностью, чем священники.

¹⁴ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 6, д. 266, л. 51.

¹⁵ Там же, ф. 1001, оп. 1, д. 320, л. 11 об.

¹⁶ Петроградская правда. 1922. 30 марта.

Ситуация в Петрограде вновь изменилась к концу месяца. Среди городского духовенства имелся довольно значительный слой, который хотел найти какое-то взаимопонимание с Советской властью, возлагая большие надежды на «нэповскую эволюцию большевизма». Образовавшаяся «Петроградская группа прогрессивного духовенства» выпустила декларацию от 24 марта, явившуюся первым шагом к церковному расколу. Авторы ее решительно отмежевались от части священнослужителей, укоряли их в контрреволюционности, игре в политику на народном голоде. Но даже в этом воззвании отмечалось, что «в принципе на это благословили нас и Патриарх Тихон, и митрополит Вениамин, и другие архиереи. Верующие охотно придут на помощь государству, если не будет насилия»¹⁷. Возникшая группа встречалась с руководителями губкома партии, поддерживающими ее, и стала связующим звеном возобновления переговоров с Владыкой. 6 апреля в Смольном состоялось заседание Петропомгола с участием будущих лидеров обновленчества, а тогда полномочных представителей митр. Вениамина — А. Введенского и А. Боярского. На заседании было заключено новое компромиссное соглашение.

10 апреля митрополит обратился с воззванием к своей пастве, опубликованным в печати, в котором призывал избегать всяких проявлений насилия и политических волнений во время изъятия ценностей. Это воззвание было согласовано с Патриархом, который направил аналогичное послание председателю ВЦИК М. И. Калинин, однако его так и не опубликовали. Митр. Вениамин сделал все возможное, чтобы предотвратить столкновения при изъятии ценностей. И в Петрограде не произошло таких кровавых событий, как, например, в Шуе или Смоленске. За 2 месяца случилось всего 13 не слишком значительных инцидентов, инициаторами которых, как правило, являлись не священники.

Но во многих районах страны исполнение декрета ВЦИК прошло далеко не так безболезненно, как в Петрограде. В целом в России имело место более тысячи кровавых эксцессов, в основном спровоцированных грубо насильственными действиями комиссий по изъятию. Это оказалось использовано для разгрома руководства Церкви, без чего провести «церковную революцию» было невозможно. Широкая кампания пропаганды и террора особенно развернулась с конца апреля. Начались судебные процессы над священнослужителями, которым, не имея на то действительных оснований, сразу придали политический характер. Первый подобный процесс проходил 26 апреля — 7 мая в Москве. Из 48 подсудимых 11 приговорили к расстрелу (расстреляли 5). Им поставили в вину не только препятствие проведению в жизнь декрета об изъятии, но и прежде всего распространение воззвания Патриарха. Процесс был направлен, главным образом, против последнего, и вскоре Патриарх Тихон был арестован¹⁸.

8 мая некоторые представители «Петроградской группы прогрессивного духовенства», ставшей центром обновленчества в стране, приехали в Моск-

¹⁷ Красная газета. 1922. 25 марта.

¹⁸ Л. Регельсон. Указ. соч. С. 285–288.

ву. Начались их интенсивные переговоры с представителями властей. По признанию А. Введенского, к расколу были непосредственно причастны Г. Е. Зиновьев и уполномоченный ГПУ по делам религий Е. А. Тучков¹⁹. Активное вмешательство Советского государства во внутрицерковные дела несомненно. В течение некоторого времени оно пыталось утвердить в сознании населения «единственность» и законность обновленческой Церкви. Священники, оказывавшие ей сопротивление, зачастую арестовывались. По свидетельству очевидцев, первым вопросом при непосредственных вызовах представителей духовенства в ГПУ было: «Почему Вы не присоединились к ним (обновленцам)? Вы против Советской власти?»²⁰ Ряд партийных руководителей был уверен, что руками обновленцев можно разбить старую «церковную машину» и поэтому временно им надо помогать. Член Президиума ВЦИК П. Г. Смидович в своих письмах в местные Советы в 1922 г. указывал: «„Живая церковь“ — лояльная по отношению к Советской власти — должна встретить особенно внимательное и деликатное отношение к ее нуждам со стороны Советской власти»²¹.

Однако из этого не следует, что движение обновления Церкви было целиком инспирировано. Конечно, в его руководстве имелось немало священнослужителей: В. Красницкий, А. Введенский и др., недовольных своим положением и рвавшихся к руководству, которые понимали, что это возможно лишь с помощью властей при дискредитации авторитета церковной иерархии во главе с Патриархом. Но были и видные обновленцы — страстные проповедники, искренне выражавшие новаторские идеи реформации Православия (например, прот. А. И. Боярский). Большинство же рядовых участников движения оказалось включено в него логикой развития событий.

«Церковная революция» началась 12 мая. Группа петроградских обновленцев была пропущена к содержащемуся под домашним арестом Патриарху. Заявляя о необходимости немедленного созыва нового Поместного Собора для устроения церковных дел, на что получено разрешение гражданской администрации, они поставили вопрос об отказе Первоиерарха от своей власти. Не имея возможности ввиду ареста исполнять свои обязанности, последний передал их Ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому), официально сообщив об этом в письме на имя Председателя ВЦИК. Но митр. Агафангел в столицу прибыть не смог. После беседы с ним Красницкого, которому Владыка заявил об отказе присоединиться к обновленцам, его в Москву не пустили, а позднее взяли под стражу.

15 мая обновленцев принял Калинин, указавший, что «Правительство РСФСР принимает к сведению заявление Патриарха о его временном самоустранении», а 16 мая последовало их письмо Председателю ВЦИК с сообщением о создании Высшего церковного управления. 18 мая группа священников была еще раз пропущена к Патриарху и передала ему прошение

¹⁹ Ленинградский рабочий. 1989. 20 октября.

²⁰ К. Криптон. Защита канонов православия 1922–1925 // Вестник русского студенческого христианского движения. 1979. № 128. С. 226.

²¹ В. А. Алексеев. Указ. соч. С. 101.

о благословении открытия канцелярии для разбора текущих дел церковного управления. Первосвятитель разрешил создание такой канцелярии во главе с епископом Клинским Иннокентием (Летяевым), а до его прибытия епископом Верненским Леонидом (Скобеевым), которым поручил принять, а затем передать митр. Агафангелу синодские и патриаршие дела ²².

Фактически функционирование канцелярии было разрешено лишь до приезда Ярославского митрополита, но обновленцы превратили указанный документ в акт передачи им церковной власти из законного источника. На следующий день — 13 мая последовало выселение Патриарха из Троицкого подворья, где он до этого жил, и заключение его в Донской монастырь под домашний арест. В тот же день состоялся переезд в подворье и начало функционирования обновленческого Высшего Церковного Управления, к участию в работе которого удалось склонить еп. Леонида (Скобеева), что придавало некоторую видимость законности ВЦУ. Таким образом церковные реформаторы, казалось бы, пришли к власти, и теперь должны начаться намеченные ими преобразования.

1.2. *Создание и деятельность «Живой Церкви». Возникновение движения «автокефалистов»*

Сразу же после удаления Патриарха в Донской монастырь обновленцы обратились во все епархии с посланием, где содержалось требование немедленно порвать с «тихоновщиной» и перейти в «Живую Церковь». 29 мая в Москве состоялось Учредительное собрание этой организации, на котором в качестве ВЦУ была признана группа священнослужителей, входившая в него с 19 мая: председатель — еп. Антонин (Грановский), его заместитель — прот. В. Красницкий, управляющий делами св. Е. Белков и 4 члена. Тогда же было решено подготовить созыв Поместного Собора и организовать выступление на нем для законодательного преобразования церковной жизни, а также приняты сформулированные в самом общем виде «Основные положения» группы «Живая церковь»: «...пересмотр церковной догматики с целью выделения тех особенностей, которые были внесены в нее бывшим в России строем... Пересмотр церковной литургии, с целью выяснения и устранения тех наслоений, которые внесены в православное богослужение пережитым периодом союза церкви и государства, и обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения, без нарушения совершительных обрядов таинств» ²³. Вскоре стал выходить журнал «Живая Церковь» под редакцией сначала свящ. С. Калиновского, а затем Е. Белкова.

Но еще оставались влиятельные представители духовенства, мешавшие переходу власти к обновленцам, и, прежде всего, Петроградский митрополит, сохранивший верность Патриарху, даже отстраненному от управления. Владыка Вениамин мог проявлять величайшую уступчивость, пока речь шла только о церковных ценностях. Теперь же репалась судьба основ Рус-

²² А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 99–100; А. Левитин, В. Шауров. Указ. соч. С. 80–88.

²³ Живая Церковь. 1922. № 3. С. 11.

ского Православия. В расчете склонить на свою сторону одного из двух названных Патриархом возможных его заместителей, члены ВЦУ попытались войти с Владыкой в переговоры. В Петроград отправился еще недавно близкий с ним А. Введенский. Однако митр. Вениамин, фактически являвшийся после устранения от управления митр. Агафангела носителем верховной церковной власти, твердо заявил посланнику ВЦУ: «Нет! На это я не пойду!»²⁴. 28 мая Владыка в своем послании к петроградской пастве отлучил Введенского, Красницкого и Белкова от Церкви.

В ответ ВЦУ уволило митр. Вениамина с его поста и обвинило его в желании «продолжать и впредь вовлечение Церкви в политическую контрреволюционную борьбу». Но через несколько дней была предпринята попытка еще раз путем угроз и компромиссов склонить митрополита к сотрудничеству. Влияние последнего на верующих было очень велико, и его послание не могло не произвести на них огромного впечатления, сразу же подорвало авторитет обновленцев и угрожало в зародыше раздавить новую «революционную церковь». Вновь к митр. Вениамину явился Введенский в сопровождении ответственного за «церковные дела» в губкоме РКП(б) И. Бакаева. Они предъявили ультиматум: отмена послания от 28 мая или создание против него и ряда других священнослужителей на почве изъятия церковных ценностей судебного процесса, в результате которого погибнут и Вениамин, и наиболее близкие ему лица. Владыка ответил категорическим отказом. Вскоре он был арестован²⁵.

Срочно стал готовиться грандиозный судебный процесс над петроградскими священнослужителями. Дело митр. Вениамина было создано из существовавших к тому времени нескольких отдельных производств, возникших по поводу отдельных же инцидентов, имевших место при изъятии ценностей в различных петроградских церквях и в различное время. При появлении надобности в организации процесса эти производства соединили в одно целое, и все события, в них изложенные, объявили результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного общества» во главе с митрополитом.

Судебное разбирательство проходило с 10 июня по 5 июля 1922 г. Хотя невиновность обвиняемых была очевидной, трибунал приговорил 10 человек к расстрелу, большую часть к тюремному заключению (36 человек), несколько случайных подсудимых оправдали. Затем 6 приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, а четверо (митр. Вениамин, архимандрит Сергей — секретарь Поместного Собора 1917–1918 гг. В. П. Шеин, председатель правления общества православных приходов Ю. П. Новицкий и юрист И. М. Ковшаров) были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа. В 1992 г. Владыка Вениамин и погибшие с ним новомученики были канонизированы.

Подобно Петрограду процесс насильственного прихода к власти обновленцев быстро развернулся по всей стране. Решениями ВЦУ духовенству строго

²⁴ А. А. Валентинов. Черная книга (Штурм небес). Париж, 1925. С. 210.

²⁵ Там же. С. 212–213; ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 6, д. 108, л. 68.

предписывалось не только создать «живоцерковные» приходы, благочиния, епархии, но и срочно провести в их руководящие органы на экстренно созванных съездах и собраниях «преданных революционному делу» и Советской власти клириков. Для ускорения захвата власти был образован институт так называемых уполномоченных ВЦУ при епархиальных управлениях. Последние наделялись широкими правами, вплоть до отмены решений епархиальных архиереев. Таких уполномоченных, располагавших поддержкой государственных учреждений, было разослано по епархиям 56 человек. Они организовывали на местах из признавших ВЦУ епископов и священников епархиальные управления и вели ожесточенную борьбу с противниками «Живой Церкви». Везде объявлялось, что Патриарх передал ВЦУ церковную власть по собственной инициативе, и они являются законными ее представителями. Так как арестованный Первоиерарх был лишен возможности опровергнуть эти заявления, то последние многими принимались на веру. Принятие ВЦУ целым рядом архиереев, в том числе митр. Владимирским Сергием (Старгородским), было обусловлено тем, что они не видели альтернативы: другого церковного административного центра не было, а жизнь без него казалась невыносимой и невозможной. Кроме того, они считали необходимым сохранить в тяжелое время гонений церковное единство. Известная часть духовенства действительно желала некоторых реформ по переустройству церковной жизни и поэтому пошла в фарватере обновленчества, не зная на первых порах, каких конкретно сторон коснется это реформаторство. Немало священнослужителей, не разделяя реформаторских идей, подчинялись ВЦУ, желая избежать как репрессий со стороны органов ГПУ, так и снятия с должности новой церковной властью. Последнее стало обычной практикой. Даже председатель ВЦУ еп. Антонин в беседе с корреспондентом газеты «Известия» признавал: «Я получаю из разных концов жалобы на нее («Живую Церковь»), на ее уполномоченных, которые своими угрозами и насилиями вызывают сильное раздражение против нее»²⁶.

В июле из 73 епархиальных архиереев 37 присоединилось к ВЦУ. Одной из важнейших задач обновленцев на первых порах стало пополнение их числа новыми епископами из своих сторонников. Первым таким епископом, рукоположенным без монашеского пострига 11 июня, стал петроградский прот. Иоанн Альбинский. Он был введен в состав ВЦУ. Руководящая роль в последнем первоначально принадлежала группе «Живая Церковь». Ее организатор и лидер В. Красницкий, не скрывавший, что он сотрудничает с ГПУ, на короткое время стал фактическим руководителем обновленчества. По мысли Красницкого, группа по структуре должна напоминать РКП(б) и быть чуть ли не филиалом ее среди духовенства. К августу власть в большинстве епархий перешла к представителям «Живой Церкви».

Петрограду — важнейшему религиозному центру страны — обновленцами придавалось особое значение. Соппротивление им здесь оказалось подорвано майскими арестами, охватившими основную часть епархиального руководства. Однако попытка живоцерковников сразу же после ареста

²⁶ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 115.

митр. Вениамина взять в свои руки церковную власть в «северной столице» не удалась. 5 июня на пастырском общегородском собрании духовенство и миряне поддержали первого викарного епископа Алексия (Симанского), вступившего в управление епархией. Правда, последний в первой половине месяца продемонстрировал свое лояльное отношение к ВЦУ, полупризнав его. В биографическом очерке о Патриархе Алексии I, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии» после избрания его на Патриарший престол, отмечалось: «Оставаясь убежденным сторонником неприкосновенности канонов, епископ Алексей старался возможно дальше пойти навстречу обновленцам, считал раскол самым нежелательным из всех возможных положений. Однако эти его действия принесли ему самому много тяжелых испытаний: обновленцы не оценили его доброго намерения, а приверженцы Патриарха Тихона осуждали его терпимость»²⁷. Получив от обновленцев прошение о снятии с них запрещения, наложенного митр. Вениамином, еп. Алексей, желая смягчить положение в Петрограде, а возможно, и спасти арестованных клириков, восстановил общение с Церковью Введенского, Красницкого и Белкова, это решение было воспринято очень неоднозначно и вызвало резкую критику многих представителей духовенства и паствы, настроенных против ВЦУ.

Перед обновленцами стояла задача полного овладения руководством епархии. Введенский был выведен из строя: 12 июня, после выхода с судебного процесса над митр. Вениамином, он был тяжело ранен в голову брошенным верующей женщиной камнем, и в Петроград отправился Красницкий. 24 июня он потребовал от еп. Алексия более четкого определения своего отношения к ВЦУ, предъявив фактический ультиматум. Но к тому времени Владыка уже стал иначе оценивать обновленцев; ответив Красницкому отказом, он сложил с себя обязанности и, не дожидаясь какого-либо сообщения ВЦУ на свое заявление, покинул Петроград и отбыл в Псков в отпуск.

25 июня обновленцы предложили принять на себя управление епархией в сане архиепископа престарелому прот. Николаю Соболеву, и тот ответил согласием. Он стал первым русским архиепископом, вступившим на кафедру без монашеского пострига. 27 июня была занята епархиальная канцелярия и ликвидировано управление митрополита. А на следующий день приступило к своим действиям сформированное живоцерковниками Петроградское епархиальное управление. Примечательно, что А. Боярский, не разделявший методы действия представителей «Живой Церкви», отказался войти в него.

28 июня состоялось собрание благочинных города, которое приняло по докладу Красницкого резолюцию: «1. Собрание благочинных гор. Петрограда... признает лозунги „Живой Церкви“ — белый епископат, пресвитерское под председательством епископа управление, единая Церковная и Епархиальная кассы и союз белого, приходского духовенства — приемлемым для своего пастырского сознания, без обязательства для каждого отдельного лица входить в состав группы. 2. Российскую социальную революцию признает справедливым судом Божиим за социальные неправды человечества, а равно

²⁷ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 96.

и одобряет мировое объединение трудящихся для защиты прав трудящихся и эксплуатируемого человека. 3. Высшее Церковное Управление признает центральным органом управления Российской Церкви до установления Поместным Собором постоянной формы церковного управления, с тем, чтобы в личный его состав были привлекаемы представители провинциальных епархий. 4. Предлагает ВЦУ воздержаться от коренных церковных реформ и лишь готовить их к предстоящему Собору...»²⁸. Именно обещание созвать Собор с разрешения властей временно примиряло значительную часть духовенства с необходимостью считаться с фактом существования ВЦУ, хотя они не хотели реформ по рецептам живоцерковников. Они полагали, что Собор будет объективным и на нем со всей серьезностью и глубиной встанут вопросы о положении Русской Православной Церкви. Будущее показало, что эти ожидания оказались тщетными.

Первоначально обновленцы публично заявляли, что Поместный Собор будет созван в самое ближайшее время. Но он состоялся почти через год после «майского переворота», и во многом из-за позиции официальных властей, которые были заинтересованы не в стабилизации ситуации в Церкви, а в дальнейшем углублении раскола. Так, 26 мая 1922 г. Политбюро РКП(б) приняло предложение Троцкого занять выжидательную позицию в отношении 3 существующих направлений в новом церковном руководстве: 1) сохранение Патриаршества и выборы лояльного Патриарха; 2) уничтожение Патриаршества и создание коллегии (лояльного Синода); 3) полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления (Церковь как «идеальная» совокупность общин верующих). Ставка была сделана на разгорание борьбы между различными ориентациями и оттягивание с этой целью созыва Собора. Наиболее выгодной Троцкий считал комбинацию, «когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть, организующаяся под знаменем синода или полной автономии общин»²⁹.

Междоусобная борьба в Православной Церкви постепенно разгоралась. Преобладающая часть прихожан была настроена к обновленцам враждебно, и это явилось в конечном счете для последних непреодолимым препятствием. Значительные массы верующих оказывали всяческую поддержку тем священникам и архиереям, которые не подчинялись постановлениям ВЦУ. Занимавшие такую позицию иерархи переходили на самостоятельное «автокефальное» управление. Руководствуясь постановлением Патриарха и Синода 1920 г., перейти к самоуправлению епархией, в случае прекращения деятельности подлинного ВЦУ, призывал еще митр. Вениамин в послании от 27 мая 1922 г. А 18 июня митр. Агафангел в своем послании «К архипастьрям и всем чадам Российской Православной Церкви» объявил принятую на себя обновленцами «власть и деяния их незаконными» и предписал епархиальным архиереям впредь, до восстановления Высшей церковной власти, перейти на самоуправление «по совести и ар-

²⁸ Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 10.

²⁹ Архив президента РФ, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 71–72.

хиерейской присяге», игнорируя директивы обновленческих центральных инстанций³⁰.

Одной из первых оформилась «Петроградская автокефалия». Центром ее создания стал Никольский Богоявленский собор. Уже 23 июля собрание его прихожан единогласно приняло резолюцию: «Постановлениям ВЦУ и поставленным им органам и лицам не подчиняться и отделиться от новой церковной организации...»³¹. Постепенно возглавившим «Петроградскую автокефалию» епископам Алексею (Симанскому) и Николаю (Ярушевичу), наместнику Лавры, удалось установить относительно нормальные отношения с губисполкомом. Они подчеркивали свою лояльность к Советской власти, но категорически отказывались признать ВЦУ как неканоническое³².

Несмотря на появление различных «автокефалий», еще около года обновленческое движение господствовало в церковной жизни страны. 4 июля в Москве на собрании группы «Живая Церковь» был принят ее устав, избран ЦК из 10 членов и президиум ЦК из 3 (прот. В. Красницкий, прот. Е. Белков и свящ. Д. Соловьев). Из устава следовало, что группа является сословной организацией белого духовенства, призванного для активного участия в церковном обновлении, она имела некоторые общие черты с политическими партиями. Живоцерковное движение являлось пресвитерианским по сути и очень отдаленно напоминало нидерландское и шотландское пресвитерианство.

6 августа открылся «Всероссийский съезд белого духовенства группы „Живая Церковь“». На нем была выработана уже более конкретная программа церковных реформ, основные положения которых сводились к: признанию справедливости Октябрьской революции, воплощающей в жизнь идеалы первоначального христианства, пересмотру в связи с этим догматики и этики; литургической реформе, упрощению богослужения, приближению его к народному пониманию; радикальному пересмотру церковных канонов и отмене «устаревших»; приходской реформе, соборному управлению Церковью. Многие преобразования предлагалось проводить в жизнь немедленно. Когда архиеп. Антонин (Грановский) попытался выступить с советом воздержаться от брачного епископата до Поместного Собора, Красницкий заявил ему: «Не надо стесняться канонами, они устарели, многое надо отменить»³³. Съезд постановил ввести второбрачие для клириков, немедленно открыть доступ к епископскому сану не только вдовым, но и женатым священникам, распустить приходские советы, настроенные против обновленческого движения, и выбрать новые из лиц, рекомендованных настоятелями под их ответственность, высказался за закрытие монастырей и т. д.

Острые преобразований «Живой Церкви» было направлено не только против монашества, но и против приходских советов, оскорбительно на-

³⁰ Русская Православная Церковь 1988–1988. Вып. 2. М., 1988. С. 26.

³¹ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 238, л. 57.

³² А. Краснов-Левитин. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 82.

³³ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 155.

зываемых «приходскими буржуями», которые, согласно декрету Совнаркома 1918 г., становились во многом полноправными хозяевами внутрицерковной жизни. Возглавив церковную власть в большинстве епархий, «Живая Церковь» не сумела завладеть значительной частью приходов, из-за сопротивления верующих обновленцам. Церковный историк И. Стратонов справедливо писал, что ее задачей было «оградить духовенство от влияния мирян в приходе, освободив его от зависимости со стороны приходских советов». Стремясь помешать проникновению в приходы необновленческих священников, Предсоборное совещание обновленцев в конце 1922 г. обратилось в Совнарком с петицией, в которой просило разрешения дополнить положение приходского устава о выборности причта мирянами словами «с согласия Епархиального или Викарного управления»³⁴.

В одобренном съездом белого духовенства проекте организации церковного управления говорилось, что епархиальное управление должно состоять из 4 священнослужителей и 1 мирянина, председателем его является епископ, не пользующийся почти никакими преимуществами. В центре внимания съезда была также борьба за материальные средства, так как церковной кассой, согласно законодательным актам, распоряжались приходские советы. Правительство не пошло на существенное изменение законодательства о культах, и обновленцам осталось передать получаемые клиром суммы за культовые требы в общецерковную кассу, стать участниками в распоряжении ее средств совместно с приходскими советами и иметь материальное обеспечение исключительно за счет этой единой кассы. На съезде также была принята резолюция об изъятии части церковных сумм в непосредственное ведение епархиальных управлений и ВЦУ³⁵.

В целом же августовский съезд явился крупным проигрышем «Живой Церкви». У реальных церковных политиков исчезли иллюзии о благодетельности провозглашаемых ею реформ, так как в воинствующих действиях руководства ЖЦ ясно проглядывала перспектива коренной, далеко не во всем справедливой ломки Русской Православной Церкви. Многие ранее контактировавшие с живоцерковниками клирики осознали, что церковное общество отвернется от такого рода реформ. Историки этой темы А. Левитин и В. Шавров писали: «Съезд — поворотный момент и величайший скандал в истории обновленчества, все пороки раскола выявились в таком карикатурном виде, что ужаснулись даже самые рьяные его сторонники. Раскол в расколе стал неизбежным»³⁶. Сразу же после окончания съезда ВЦУ, в котором живоцерковники преобладали, приступило к активной левацкой реформаторской деятельности: разгрому приходских советов, увольнению на покой иерархов, не разделявших программу «Живой церкви», реквизиции имущества монастырей и закрытию их, возведению в епископский сан женатых священников и т. д. Это резко усилило недовольство оппозиционных групп духовенства и мирян и явилось не-

³⁴ А. А. Шишкин. Указ. соч. С. 177, 179.

³⁵ В. Бонч-Бруевич. Живая церковь и пролетариат. М., 1927. С. 35–36.

³⁶ А. Левитин, В. Шавров. Указ. соч. С. 167.

посредственным поводом для раскола в самом обновленческом руководстве. Кроме того, государственные власти, заинтересованные в дальнейшем углублении междоусобных конфликтов в Церкви, отошли от своей прежней позиции преимущественной поддержки живогерковников. Таким образом, уже вскоре после своей формальной победы обновленчество оказалось перед лицом острого внутреннего кризиса.

1.3. *Разделение обновленческого движения на несколько группировок, их программы и междоусобная борьба. II Поместный Собор Российской Православной Церкви*

Процесс дробления обновленчества начался в 20-х числах августа 1922 г. 24 числа на учредительном собрании в Москве была создана новая группа «Союз церковного возрождения» (СЦВ) во главе с еп. Антонином (Грановским). Она попыталась преодолеть разрыв между обновленческим духовенством и верующим народом, без поддержки которого реформаторское движение обречено на провал. В Положении СЦВ — так определялась его программная задача: «Союз отвергает кастовое крепостничество и кастовое утверждение интересов „белого попа“. Союз стремится к улучшению церковных порядков по девизу: все для народа и ничего для сословия, все для церкви и ничего для касты». Провозглашалось, что СЦВ «во всех органах церковного управления представляет широкое участие мирян по пропорции 1/3 духовенства и 2/3 мирян»³⁷, священники же являются не хозяевами, а духовными руководителями и друзьями прихожан. СЦВ выступал против тотального реформизма живогерковников, высказываясь за сохранение монашества и черного епископата, недопустимость женатых архиереев, второбрачия клириков и т. д. В основном он ограничился лишь реформой богослужения, но зато в этой области проявил крайний радикализм: открытый алтарь, даже перенесение его на середину храма, чтение всех тайных молитв вслух, общенародное пение, сокращение до минимума колокольного звона, свобода литургического творчества и т. п.

Возникновение СЦВ вызвало первоначально значительный отток в него из «Живой Церкви» обновленческого духовенства и особенно примкнувших мирян. И наиболее ярко этот процесс проявился в Петрограде. 5 сентября в «Известиях» было опубликовано следующее заявление: «Для нас стало очевидно, что группа „Живая Церковь“ в последний период своей деятельности (съезд) стала на путь исключительно узко-сословных, кастовых интересов белого духовенства. Настоящим мы заявляем о своем выходе из квазиреволюционной группы „Живая Церковь“ (на основании всего изложенного) и об образовании Петроградского отделения „Союза Церковного Возрождения“... Николай, архиепископ Петроградский. Петроградское Епархиальное Управление»³⁸. Таким образом в епархии по-

³⁷ Труды I Всероссийского съезда или собора «Союза Церковное Возрождение». М., 1925. С. 74, 80.

³⁸ Известия ВЦИК. 1922. 5 сентября.

чти не осталось живоцерковников, из группы вышли даже некоторые ее основоположники.

22 сентября еп. Антонин официально заявил о выходе из ВЦУ и прекращении евхаристического общения с живоцерковниками, то есть о расколе. На следующий день ВЦУ постановило снять его со всех должностей и предложило в 24 часа покинуть пределы Московской епархии. Красницкий решил использовать главный козырь и обратился в ОГПУ с просьбой выслать еп. Антонина из Москвы, так как «он становится знаменем контрреволюции». Но в тот же день Красницкому указали, что «органы власти не имеют никаких оснований вмешиваться в церковные дела, не имеют ничего против Антонина Грановского и нисколько не возражают против организации нового, второго ВЦУ»³⁹. Это был неожиданный удар. Период поддержки правительством живоцерковников закончился. Да и отношения обновленчества в целом и гражданских властей вступили в сентябре 1922 г. в новую стадию. В соответствии со стратегическим планом Л. Д. Троцкого кампании раскола и борьбы с Церковью вошла во вторую фазу. Началась массированная антирелигиозная пропаганда под лозунгом отрицательного отношения партии ко всем без исключения церковным группировкам. Стали выходить газета «Безбожник», журнал «Атеист» и т. д.

В этих условиях Красницкий капитулировал. В конце сентября в письме еп. Антонину он писал, что готов на любые уступки с целью сохранения единства обновленческого движения и «Живая Церковь» не претендует на «монополию власти и влияния»⁴⁰. Начались переговоры о создании коалиционного ВЦУ. Но к этому времени наметились серьезные разногласия петроградских обновленцев с СЦВ, программа которого во многом не устраивала их. И в начале октября была создана новая группа — «Союз общин Древле-Апостольской Церкви» (СОДАЦ) во главе с А. Введенским. В нее вступили 5 бывших членов ЦК ЖЦ, в том числе ее почетный председатель архиепископ Иоанн (Альбинский), а также почти все петроградское обновленческое духовенство, покинувшее СЦВ, — около 100 человек⁴¹.

Программа СОДАЦ в основном занимала промежуточное положение между лозунгами двух ранее возникших групп, хотя в провозглашаемых социальных задачах она отличалась наибольшим радикализмом, требуя воплощения идей «христианского социализма» в обществе и, в первую очередь, во внутрицерковной жизни. Соответственно СОДАЦ настаивал на обновлении религиозной морали, модернизации социально-этических основ православия. В области же церковной догматики туманно говорилось лишь о необходимости пересмотра канонов, но после широкого обсуждения их церковной общественностью на Поместном Соборе. СОДАЦ отстаивал идею аскетизма, в то же время высказываясь за закрытие большей части «выродившихся» монастырей, допускался с оговорками женатый

³⁹ А. Левитин, В. Шавров. Указ. соч. С. 185.

⁴⁰ Там же. С. 213.

⁴¹ А. А. Шишкин. Указ. соч. С. 206.

епископат, а в выступлениях лидеров — и второбращение клириков. Уничтожалась внешняя пышность богослужений, вводился родной язык, институт дьяконисс, но отвергалось большинство радикальных новшеств СЦВ в этой области. Желая преодолеть крайности ставки на духовенство и мирян, СОДАЦ в своей программе заявил: «В управлении делами общин, а также и их объединений (епархиальных, уездных, районных) участвуют на равных правах пресвитеры, клирики и миряне»⁴².

Кроме трех основных, обновленчество стало дробиться и на другие более мелкие толки, согласия, группы. Так, прот. Е. Белков основал в Петрограде «Союз религиозно-трудовых коммунальных общин» и т. д. Междоусобная борьба грозила провалом всего движения, и в результате был достигнут некий временный компромисс. 16 октября на заседании ВЦУ произошла его реорганизация, теперь оно стало состоять из председателя митр. Антонина, заместителей — прот. Введенского и Красницкого, управляющего делами А. Новикова, 5 членов от СОДАЦ и СЦВ и 4 — от «Живой Церкви». Была создана комиссия по подготовке Собора. Лидеры ЖЦ поняли, что для сохранения положения им следует несколько смягчить требования своей церковно-реформаторской программы. Это было сделано в «Тезисах предстоящей реформы Православной Церкви на Поместном Соборе», принятых на расширенном пленуме ЦК группы ЖЦ и в основном одобренных на Всероссийском совещании уполномоченных ВЦУ и представителей епархиальных управлений 28 декабря 1922 г. В них уже содержались некоторые положения программы СОДАЦ.

Перейдя к кампании антирелигиозной пропаганды, государственные власти все же продолжали в определенных пределах поддерживать обновленцев, применяя репрессивные акции к их противникам. Показательна в этом плане судьба крупнейшей из «автокефалий» 1922 г. — Петроградской. Окончательно оформилась она в сентябре 1922 г., но уже в начале октября ее руководителя — еп. Алексия — выслали на три года в Казахстан. После ареста последнего признанным лидером автокефалистов стал епископ Петергофский Николай (Ярушевич). Находясь в исключительно сложном положении, официально не признанный властями, травимый обновленцами, испытывая недоверие консервативных элементов в собственной среде, он за короткий срок сумел создать мощную централизованную организацию. Совершая многочисленные богослужения в церквях, еп. Николай говорил пламенные проповеди, призывая верующих постоять за «истинное Православие». Число обновленческих храмов в городе стало быстро сокращаться. Складывалось настолько серьезное положение, что ВЦУ было вынуждено в начале декабря 1922 г. обсудить специальную докладную записку В. Красницкого: «Об автокефалиях и борьбе с ними» и разослать ее в качестве циркуляра всем епископам.

30 января 1923 г. комиссия по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП (б) под председательством Е. Ярославского рассмотрела комплекс вопросов, связанных с проведением обновленческого Собора. Бы-

⁴² А. А. Шишкин. Указ. соч. С. 218–219.

ла проанализирована деятельность ВЦУ, изучены предложения по оказанию ему помощи в борьбе с «тихоновщиной», и основное внимание в этом плане уделено Петрограду, где по сообщению ГПУ у обновленцев существовали серьезные противники, которые пытались «возродить тихоновскую ориентацию». Комиссия поручила «намеченных ГПУ 5 питерских священников во главе с епископом Ярушевичем арестовать и выслать»⁴³. Вскоре они были арестованы, а еп. Николай сослан в Коми-Зырянский край. Под репрессивными ударами, лишенная руководителей «Петроградская автокефалия» начала распадаться. Историки А. Левитин и В. Шавров писали: «...не имея четкой и ясной платформы, испытывая нажим со стороны властей, автокефалисты вынуждены были отдать обновленцам все свои храмы. Только 5 храмов из 123 не признавали ни Собора 1923 года, ни ВЦС»⁴⁴. Правда, эти сведения не совсем точны количественно, храмов в городе было значительно больше, и не менее 10 из них, по архивным данным, так и не признали обновленцев.

Первые месяцы 1923 г. прошли под знаком подготовки нового Поместного Собора. Своеобразной репетицией его стал проходивший в середине марта в Москве съезд группы СОДАЦ. К этому времени уже выявились разногласия между двумя ее основными идеологами — А. Введенским и А. Боярским. Первый полагал, что христианский социализм в данной ситуации должен выражаться в тесном контакте с Советским государством. Боярский же считал совершенно иначе: «Церковь ни при каких условиях не должна обезличиваться, ее контакт с марксистами может быть лишь временным, случайным, скоропреходящим. Христианство должно возглавлять социализм, а не приспосабливаться к нему»⁴⁵. Так как Боярский не мог в тех условиях полностью развернуть свою платформу, то победила точка зрения Введенского. Съезд показал, что в недрах движения есть люди, стремящиеся к действительному обновлению Церкви, но и здесь стремления их заглушались политическим приспособленчеством.

Сроки Поместного Собора, первоначально назначенного на август 1922 г., переносились неоднократно. Но с началом разрыва обновленческого движения на враждующие группы требования его созыва стали звучать все настойчивее. Многие реформаторы полагали, что лишь он скрепит распадающийся фундамент обновленчества. 25 декабря Всероссийское совещание членов ВЦУ и местных епархиальных управлений решило созвать Собор в апреле 1923 г. Прежде всего ставилась задача обеспечить выборы лояльных делегатов, провести «чистку» епископата и т. п. В апреле епархиальные собрания избрали на Собор несколько сот человек. Но многие члены епархиальных управлений и лица, специально вызванные ВЦУ, становились его участниками автоматически. Подобная практика позволила подобрать желательный обновленцам состав церковного форума. Из 430 его делегатов большинство представляло группы «Живая Церковь» и СОДАЦ, примерно поровну, с небольшим пере-

⁴³ В. А. Алексеев. Указ. соч. С. 101.

⁴⁴ А. Левитин, В. Шавров. Указ. соч. Т. 2. С. 218.

⁴⁵ Там же. Т. 2. С. 47.

весом первой. Собор должен был продемонстрировать перед лицом всего мира «несокрушимое единство» прогрессивного духовенства, признавшего Советскую власть. Но эта задача выполнена не была. Все дни заседаний продолжались острые конфликты между различными группировками. В итоге почетный председатель Собора архиеп. Антонин вынужден был капитулировать перед своими идейными противниками.

К весне 1923 г. церковная ситуация явно не удовлетворяла верующих. Эти настроения ярко проявились в «наказах» делегатам предстоящего Собора, принимаемых на предвыборных приходских собраниях. Большинство из них содержало требования мирян — не изменять православное вероучение, не ломать догматы, все церковные реформы проводить после решений Собора, признать равнозначность черного и белого духовенства, брачного и безбрачного епископата и т. д., что свидетельствовало о неприятии большинством верующих догматических и канонических реформ.

Собор открылся в Москве 29 апреля 1923 г. Надежды значительной части духовенства и верующих на то, что он примирит, сгладит противоречия, укажет будущий путь, не осуществились. 3 мая на нем было принято постановление, с негодованием воспринятое большинством мирян и в конечном счете гибельное для обновленчества:

«Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне Патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин»⁴⁶. Патриаршество в России уничтожилось. 8 мая делегация Собора была пропущена к находящемуся под домашним арестом Первосвятителю и передала приговор, но он ответил лишь, что «не согласен ни по форме, ни по существу»⁴⁷.

Считаясь с существующими настроениями в церковном обществе, Собор значительно ограничил намечавшиеся нововведения, оставив неприкосновенными и догматы, и таинства, и богослужебный чин. Доклады А. Введенского и В. Красницкого «О реформах Церкви» у многих делегатов не встретили поддержки. Собор узаконил равнозначность женатого и безбрачного епископата, а после некоторых колебаний и второбрачие клириков, ввел новый Григорианский календарь. Монастыри же закрывались и превращались в трудовые коммуну и церковные приходы.

В качестве руководящего органа Церкви был избран Высший Церковный Совет (ВЦС) из 18 членов, пропорционально представительству на Соборе — 10 от «Живой Церкви», 6 от СОДАЦ и 2 от СЦВ. Согласно принятому «Положению об управлении Церковью» епархиальные (губернские) управления должны были состоять из 5 человек — 4 выборных (священнослужители и миряне поровну), а также председателя, назначенного ВЦС епископа. Викарные (уездные) управления включали председателя — епископа и 2 членов — священнослужителя и мирянина⁴⁸. Решения Собора по-

⁴⁶ Известия ВЦИК. 1923. 30 мая.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 228, 232.

казали, что программа «Живой Церкви» оказалась неприемлема для большинства его участников, им более импонировали умеренные идеи СОДАЦ. Лидер ЖЦ В. Красницкий лишился должности заместителя председателя ВЦС, но после того, как он отказался от предложенного сана архиепископа Петроградского, ему был пожалован титул «протопресвитера Всея России». А. Введенского Собор постановил посвящать в архиепископа Крутицкого и после хиротонии лидер СОДАЦ окончательно переехал в Москву, значительно приблизившись к руководству обновленческой Церковью в целом. Первое время после окончания Собора казалось, что обновленчество победило окончательно. Но это была иллюзия.

Глава 2.

КРИЗИС. «УГАСАНИЕ» ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

2.1. *Освобождение Патриарха из-под ареста и начало распада обновленчества*

II Всероссийский Поместный Собор стал кульминационным пунктом развития обновленчества. Вскоре после завершения его работы произошли события, до основ потрясшие обновленческую Церковь. Желая избежать судебного процесса, который неминуемо нанес бы сильный удар по Православию в целом, и стремясь сохранить верную традициям Патриархию, после месячного пребывания в тюрьме ОГПУ 16 июня 1923 г. Патриарх Тихон подал заявление в Верховный суд РСФСР с раскаянием в своей прежней «антисоветской деятельности» и с просьбой освобождения его из-под стражи. 27 июня он был освобожден⁴⁹. Важнейшую роль в этом сыграла и широкая кампания в странах Западной Европы с требованием прекращения насилий над Патриархом. Заинтересованное в дипломатическом признании Советское правительство было вынуждено считаться с ней. Уже в первом послании Патриарха Тихона к Церкви от 28 июня говорилось о неправомерности обновленческого Собора и его решений, а в послании от 15 июля он сообщал о своем возвращении к руководству и указал, что «все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковь в наше отсутствие, недействительны и ничтожны! И все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитвах и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе...»⁵⁰.

Следует отметить, что добившись заявления Патриарха, государственные органы пошли на существенные уступки ему, временно отказавшись от безоговорочной помощи обновленцам. Так, в инструкции Наркоматов

⁴⁹ В. А. Алексеев. Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции?» // Диалог. 1990. № 10. С. 102–103; Известия. 1923. 27 июня.

⁵⁰ Л. Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 342.

юстиции и внутренних дел от 19 июня говорилось: «Запрещается всем государственным установлениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам»⁵¹.

Сразу же после освобождения Патриарха начался резкий спад влияния обновленцев и широкомасштабное возвращение верующих и духовенства под его окормление. Несмотря на некоторые оправданные шаги, обновленчество в целом не встретило массового понимания и поддержки. Исходя из стремления к реформам, ряд лидеров живоцерковников попытались «революционизировать» Церковь, перешагнув при этом через некоторые основные для Православия экклесиологические, литургические и догматические принципы, и утратили контакт с верующими. Не меньшее значение имело и то, что они слишком далеко зашли в своем социальном поведении, перейдя к идеологическому синкретизму, смешению христианской веры и диалектического материализма.

Летом 1923 г. возникло беспрецедентно мощное стихийно народно-религиозное движение, так называемая «тихоновщина». Оно прокатилось по всей стране. Но если в Москве массовое возвращение верующих и духовенства в Патриаршую Церковь развернулось еще в июле, то в Петрограде — «колыбели» и традиционной твердыне обновленчества — это произошло на два месяца позже. В результате репрессий ОГПУ в городе не осталось ни одного архиерея, способного возглавить этот процесс. Наконец 23 сентября в Москве состоялась хиротония во епископа Лужского (с правом управления всей Петроградской епархией) архимандрита Мануила (Лемешевского). С прибытием законного правящего архиерея церкви «северной столицы» стали одна за другой переходить в юрисдикцию Патриарха, иногда по несколько в день. Эти переходы обставлялись торжественно, епископ совершал чин, причт храма приносил покаяние. В ноябре обновленцы потеряли и Александро-Невскую Лавру. Тяжелый удар им нанес даже их формальный руководитель — архиепископ Петроградский Артемий (Ильинский). В середине месяца он был возведен в сан митрополита, однако 23 ноября подал еп. Мануилу заявление о своем разрыве с обновленчеством. Всего к началу 1924 г., по не вполне точным, но хорошо иллюстрирующим общую тенденцию данным, из 115 обновленческих храмов Петрограда 63 перешли в ведение Патриарха⁵².

Над обновленчеством нависла угроза краха. В целях его предотвращения при активном участии властей была проведена коренная реорганизация органов управления. В начале августа 1923 г. в Москве собрание епископов и уполномоченных ВЦС постановило ликвидировать Совет и создать Священный Синод, наименование которого было более понятно церковной общественности. Обновленцы возвратили своей Церкви традиционное название — Российская Православная, которая противопоставлялась Патриаршей. 8 августа Священный Синод был организован, в него вошли 6 иерар-

⁵¹ Красная газета. 1923. 1 июля.

⁵² А. Левитин, В. Шафров. Указ. соч. Т. 2. С. 237.

хов старого (до мая 1922 г.) постановления, председателем стал митрополит Евдоким (Мещерский). Вскоре оказалась фактически разорвана каноническая и юридическая преемственность по отношению к предшествующей истории обновленчества, члены Синода объявили, что он снимает с себя всякую ответственность за действия и распоряжения ВЦУ и ВЦС⁵³. Был взят курс на сворачивание реформаторства. В первом же обращении Синода к православному народу говорилось: «Мы свято, твердо и непоколебимо блюдем и будем блюсти до окончания нашей жизни чистоту учения православной веры, ее таинства и догматы»⁵⁴. Чтобы избавиться от репутации «крушителей церковной старины», обновленцы стали сводить к минимуму уже практиковавшиеся новшества. Резко сократилось возведение в архиерейский сан женатых священников, уменьшилось количество разрешений овдовевшим клирикам на второй брак, постепенно стали отказываться от нового стиля. Это был поворотный пункт движения. Основная часть обновленцев к осени 1923 г. отошла от провозглашенного реформаторства, чтобы удержать под контролем умеренную часть духовенства. Начавшийся синодальный период в конечном итоге привел к почти полному вырождению обновленческой идеи.

В намеченном комплексе мер особое место занимал вопрос о ликвидации различных групп и фракций, зачастую враждовавших между собой и этим сильно ослаблявших движение. В августе все группы были объявлены ликвидированными. Однако с этим постановлением не согласился бывший председатель ВЦС архиеп. Антонин. Союз Церковного Возрождения продолжал функционировать в виде небольшой общины в Москве вплоть до смерти архиеп. Антонина в январе 1927 г., окончательно распавшись в ноябре 1928 г. Определенным влиянием в Петрограде пользовались живоцерковники. Их лидер Красницкий, ввиду одиозной связи с ОГПУ не допущенный в Синод, вскоре порвал с ним и также отказался распустить свою организацию. Петроградские живоцерковники оформились в самостоятельное течение в ноябре 1923 г., выйдя из повиновения обновленческому епархиальному управлению. Влияние «Живой Церкви» в стране быстро угасло, дольше всего продолжавшись в Ленинграде. В середине 20-х годов этой группе принадлежало в городе 5 храмов, в том числе Казанский собор. Последняя живоцерковная община при Серафимовской кладбищенской церкви прекратила существование в 1937 г., после смерти Красницкого⁵⁵. Самораспустилась в 1923 г. лишь группа СОДАЦ. Ее умеренная линия фактически победила, а лидеры заняли целый ряд руководящих постов и в новых органах управления обновленческой Церковью.

Дальше всего по пути отступления и компромиссов Священный Синод зашел в сентябре 1923 г., начав переговоры с Патриархом об объединении. Со своей стороны Патриарх Тихон под давлением ОГПУ, но также желая

⁵³ Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви (ВСС). № 1. С. 14.

⁵⁴ Там же. С. 5.

⁵⁵ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 247, л. 296; А. Краснов-Левитин. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 150–152.

ликвидировать пагубный церковный раскол, пошел на некоторые компромиссы и санкционировал эти переговоры. Однако соглашения не получилось. В конце сентября на совещании в Донском монастыре, в котором приняли участие 27 епископов, в результате закрытого голосования проект примирения с обновленцами большинством голосов был отвергнут. Борьба разгорелась с новой силой. 15 апреля 1924 г. Патриарх в своем послании запретил произошедший 2 года назад раскол. Обновленческие хиротонии не признавались, второбрачные клирики лишались сана, митр. Евдоким был запрещен в священнослужении и т. д. Теперь обновленчество становилось расколом официально, юридически. Со своей стороны Священный Синод начал пропагандистскую кампанию против Патриарха.

Не желая допустить полного поражения обновленчества, поддержку ему вновь стали оказывать органы государственной власти. Они старались внешне подчеркивать неоспоримый авторитет Синода, его единственность и т. д. Правительство так и не признало официально Патриархом Тихона. Более того, 8 декабря 1923 г. Наркомат юстиции издал циркуляр о запрещении публичного чествования лиц, находящихся под судом, «в частности гр. Белафина»: «...Поскольку такое чествование, выражающееся в упоминании имени данного лица в публичных молитвах, проповедях и т. п., с присоединением к этому звания, по состоянию в котором это лицо совершило вменяемое *ему* преступное деяние, носит характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти или направляется с явным намерением возбудить в населении недовольство или дискредитировать власть, оно является деянием уголовно-наказуемым...»⁵⁶. Чувствовалось, что ОГПУ готовит репрессии. Так и произошло. Власти нанесли удар в самом опасном для обновленцев месте — в Петрограде. 2 февраля 1924 г. в городе, по указанию выехавшего туда Е. Тучкова, арестовали около сотни человек, которым приписывалось участие в тайной организации, в том числе еп. Мануила (Лемешевского), отправленного на 3 года в Соловецкий лагерь.

В то же время беспрерывно, начиная с осени 1923 г., власти делали попытки примирить тихоновцев с обновленцами, желая объединить Русскую Церковь под руководством послушного правительству церковного управления. Новая такая попытка была предпринята весной 1924 г. В конце марта лидер «Живой Церкви» В. Красницкий начал переговоры с Патриархом, продолжавшиеся более полутора месяцев. 19 мая он подал прошение о принятии его с «собратьями» в молитвенно-каноническое общение. Эта просьба была удовлетворена⁵⁷. 21 мая Патриарх постановил сформировать Высшее Церковное Управление в составе Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Последний должен был состоять из 14 членов, в том числе 6 живоцерковников. Он руководствовался тем, что включение живоцерковников в ВЦУ должно было обеспечить его официальное признание, открыть возможность созыва Поместного Собора (в чем заверяли власти) с последующим налаживанием церковного управления в центре и на местах. Кро-

⁵⁶ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 9, д. 10, л. 38.

⁵⁷ Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар, 1926. С. 5–6.

ме того, вскоре после начала переговоров, 21 марта ЦИК СССР принял постановление о прекращении дела по обвинению в антисоветских преступлениях Патриарха Тихона.

Однако духовенство и верующие повсеместно выражали недовольство переговорами с Красницким. Сменивший Владыку Мануила на посту управляющего Петроградской епархией еп. Кронштадтский Венедикт отказался принять его в общение. Его взгляды разделяло и большинство других архиереев, и Патриарх решил последовать мнению Церкви. В июле соглашение было аннулировано. После этого отпала возможность организации Патриаршего Синода, епархиальных советов и т. п.

Помощь государства в 1924 г. способствовала восстановлению относительного равновесия между обновленцами и «тихоновцами». Следует отметить, что в то время отнюдь не ставилась задача расправиться с религией «железной рукой пролетариата в два счета». Более того, установился, хотя и ненадолго, период сравнительно спокойных отношений властей с церковными организациями, своеобразный «религиозный НЭП». Это было вызвано необходимостью обеспечить экономическую и политическую стабильность в стране, укрепить «смычку» города с деревней, преимущественно религиозной, наладить внешнеполитические связи. Инициатором и проводником более мягкого курса являлась группа сторонников члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарина, в середине 1920-х годов некоторое время доминировавшая в партийном руководстве. Она считала возможным даже идти по ряду вопросов на сотрудничество с церковными организациями. Так, на XIII съезде ВКП(б) в мае 1924 г. по предложению председателя ВЦИК М. И. Калинина было принято решение оказать материальную помощь религиозным сельскохозяйственным кооперативам. В другой резолюции съезда говорилось: «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными вроде закрытия церквей...»⁵⁸.

Особенно мирные, даже в определенной степени лояльные отношения сложились у государственных органов с обновленцами. Им было разрешено открывать Духовные Академии, пастырские школы, возобновить духовное издательство и миссионерский совет. Возглавил последний митр. Александр Введенский, резко усиливший свою агитационную и проповедническую деятельность. В течение 3–4 лет его доклады, лекции, диспуты (в том числе с наркомом просвещения А. В. Луначарским) на религиозные темы привлекали внимание всех слоев населения. Правительство предоставило Синоду не только право переписки с зарубежными Церквями, но и возможность получать материальные средства от них. Например, Методистская епископальная Церковь Америки за март 1924 — август 1925 гг. выделила на содержание Ленинградского Высшего Богословского института 6206 руб., что составляло более двух третей всех доходов последнего⁵⁹.

---

⁵⁸ Известия ВЦИК. 1924. 3 июня.

⁵⁹ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 9, д. 47, л. 26, 28.

Наконец, 10–18 июня 1924 г. в Москве, с разрешения властей, состоялось Великое Всероссийское Предсоборное совещание обновленцев. Оно обратилось в Совнарком с петицией о предоставлении священнослужителям прав членов профсоюза, о разрешении обучать детей «Закона Божию» до 11 лет, о ведении актов гражданского состояния, возвращении чудотворных икон и мощей, взятых в музей, и т. п. Почти во всех просьбах было отказано, однако некоторые авансы в этом плане давались.

Таким образом, оказавшись после освобождения Патриарха на грани развала, обновленцы после реорганизации движения при поддержке государства смогли временно стабилизировать свое положение, но цена за это оказалась чрезмерно высока — отказ от основных реформ.

2.2. *Смерть Патриарха Тихона. Последние надежды российских реформаторов на победу. III Поместный Собор Православной Церкви на территории СССР*

1925 г. открыл новый период в истории церковной смуты. 7 апреля скончался Патриарх Тихон. 12 апреля он был торжественно захоронен в Донском монастыре в Москве. В тот же день 59 иерархов, прибывших на погребение, ознакомившись с завещанием Патриарха о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Крутицкого Петра (Полянского). Вскоре в газетах было опубликовано послание Патриарха к Церкви, подписанное им в день кончины и отличавшееся особой лояльностью к Советской власти. Правда, подлинность этого документа многими представителями духовенства и верующих ставилась под сомнение⁶⁰.

Смерть Патриарха оживила надежды обновленцев. В посланиях их Синода стала проводиться мысль, что личность усопшего была основной причиной раскола и теперь отпали важнейшие преграды для объединения. Уже в обращении от 11 апреля Синод призывал совместно подготовить и провести Поместный Собор, на котором будут устранены разногласия и восстановлено церковное единство. В циркулярном письме от 13 июня епархиальным управлениям предписывалось: «Православные клирики и миряне, не признающие Собора 1923 года, могут принимать участие в организационной работе по созыву епархиальных съездов, в самой работе съездов и выборах на Собор на равных основаниях с остальными...»⁶¹. К этому времени разногласия обновленцев и староцерковников сократились до минимума, вроде женатого епископата и второбрачия клириков, и теоретически их объединение стало возможным, однако серьезные расхождения касались его конкретных форм. В преддверии Собора ясно обозначились две партии. Одна во главе с архиереями старого поставления предлагала держаться линии митр. Евдокима — искать соглашения с Патриархией и воз-

⁶⁰ Русская Православная Церковь 988–1986. Вып. 2. М., 1988. С. 34; Известия. 1925. 15 апреля.

⁶¹ А. А. Шишкин. Указ. соч. С. 279.

держаться от каких-либо реформ. Правда, сам Владыка Евдоким в феврале 1925 г. был заменен на посту председателя Синода митрополитом Ленинградским Вениамином (Муратовским). Другая партия во главе с А. Введенским отвергала всякую возможность примирения, но на первых порах она была в меньшинстве.

20 июля обновленческий Синод письменно обратился к Местоблюстителю Петру с предложением образовать согласительную комиссию для совместной выработки условий перемирия на предстоящем Соборе. Однако митр. Петр занял еще более жесткую позицию, чем Патриарх. 28 июля он выпустил воззвание: «В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам собираются собрания, приглашают на них клириков и мирян для совместного обсуждения вопросов о соединении с нами и для приготовления созываемого ими осенью текущего года своего нового лжесобора. Но... все такие самочинно устраиваемые собрания... незаконны. Поэтому на них присутствовать, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание, канонические правила воспрепятствуют»⁶².

После провала переговоров с митр. Петром Синод попытался достигнуть соглашения с местными церковными властями, пригласив их на Собор. Но и здесь обновленцев ждала неудача. Так, в Ленинграде первоначально призывы к объединению нашли отклик среди некоторой части «тихоновского» духовенства, руководителем которой являлся настоятель Никольского собора прот. Н. Чуков (будущий митрополит Ленинградский Григорий). В мае в письме к управляющему епархией еп. Венедикту он указывал, что непримиримая позиция тихоновских архиереев «не отвечает ни заветам Евангелия, ни урокам истории, ни требованиям церковной экономии. В этом отношении обновленцы идут далеко впереди нас и ради мира церковного становятся выше человеческого самолюбия». Владыка Венедикт ответил о. Николаю категорическим запрещением продолжать сношения с обновленцами, «во избежание большой церковной беды»⁶³. Обстановка в тот период на местах была такая, что даже наиболее примиренчески настроенные епископы не решались на сепаратные переговоры. В конечном итоге единственной епархией, в которой удалось уговорить староцерковников послать делегатов на Собор, оказалась Тамбовская. Не оправдалась и другая основная надежда обновленцев — на нового Константинопольского Патриарха Василия III, который отклонил предложение открыть Собор и стать верховным судьей Русской Православной Церкви.

III Поместный Собор Православной Церкви на территории СССР проходил в Москве с 1 по 10 октября 1925 г. Это было последнее событие такого масштаба в истории обновленчества. На нем присутствовало 334 делегата с решающим голосом, в том числе 106 архиереев, председателем единогласно избрали Ленинградского митрополита Вениамина. Форум собрался под знаменем мира с Патриаршей Церковью, и большинство деле-

⁶² А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 331–332.

⁶³ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 273, л. 170; Л. Регельсон. Указ. соч. С. 387.

гатов от епархий ждало решений в этом направлении. Однако часть обновленческого руководства стремилась сорвать обсуждение вопроса о примирении, кроме того, она поддалась требованиям ОГПУ организовать политическую провокацию для дискредитации Патриархии. В своем вступительном докладе, открывающем Собор, А. Введенский огласил заведомо ложное письмо еп. Николая (Соловья) о том, что в мае 1924 г. Патриарх и митр. Петр послали с ним благословение в Париж великому князю Кириллу Владимировичу на занятие Царского трона. Введенский обвинил Местоблюстителя в содружестве с белогвардейским политическим центром и этим отрезал возможность для переговоров. Большинство членов Собора, поверив услышанному, было потрясено таким сообщением и крушением надежд установить мир в Церкви. Но часть делегатов по-прежнему считала необходимым начать переговоры. Всеобщее внимание привлекло выступление ленинградского прот. Е. Запольского: «Мое предложение кратко... немедленно перейти к обсуждению мер к скорейшей ликвидации нашей церковной распри, ибо я убежден, что без мира церковного и без генеральной чистки в обновленчестве вся дальнейшая работа и труды Собора будут совершенно напрасны: никаких реформ мы провести не сможем и только будем свидетелями нового массового отхода от нас верующего народа и целого ряда обновленческих церквей»⁶⁴.

После дискуссии Собор принял постановление по докладу Введенского и воззвание, резко осуждавшие Патриархию и ее деятельность. В них говорилось, что будто бы «тихоновская религиозная организация, формально признавшая Советскую власть, фактически остается организацией определено антисоветской»⁶⁵. Собор подтвердил равнозначность безбрачного и брачного епископата, однако поставление последнего замедлилось и стало проводиться очень осторожно, было разрешено и второбрачие, но уже с оговоркой — «с особой осмотрительностью, с согласия местной паствы». Стало одобряться использование старого стиля. В прениях некоторые выступали против этих отступлений от Собора 1923 г., но даже один из основных идеологов обновленчества прот. А. Боярский одобрил осторожную тактику, считая ее соответствующей текущему моменту. Наконец, было принято «Положение об управлении Российской Православной Церкви», предусматривавшее создание митрополий, объединяющих не менее 3 епархий, определявшее порядок выборов епархиальных управлений, настоятелей храмов и т. д.

Собором 1925 г. закончился «романтический» период обновленчества — революционных порывов и дерзновенных исканий, и начался бюрократический период. Одним из катастрофических последствий его было увековечивание раскола Русской Церкви на долгие годы, что значительно ослабило ее сопротивление гонениям властей, антирелигиозной пропаганде. Главную ответственность за это несут синодальные деятели.

⁶⁴ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 380–382.

⁶⁵ Деяния III Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви на территории СССР от 1–10 октября 1925 года. Самара, 1925. С. 29–31.

После окончания Собора последовал общий спад обновленческого движения, усилился переход православных в Патриаршую Церковь. Крушение надежд на мир сильно повлияло на уставших от внутрицерковной борьбы верующих и духовенства. На пленуме Синода в апреле 1926 г. член его протопресвитер П. Красотин с печалью констатировал: «Собор 1925 года для многих представлялся той масличной ветвью, которая во что бы то ни стало должна принести мир и объединить с последователями старой церкви. Многим казалось, что во что бы то ни стало следовало достигнуть примирения. Вот почему многие возвратились с Собора с горьким осадком в душе. Некоторые епископы и ответственные деятели после Собора 1925 года ослабели настолько, что информацию давали не в убежденных, крепких тонах своей правоты. Отсюда произошла в лучших случаях остановка, в худших — распад обновленческой работы на местах»⁶⁶. Так слишком тесная связь с властями и участие в политических провокациях ОГПУ снова скомпрометировали обновленчество.

2.3. Угасание обновленчества во второй половине 20 — 30-х годах

В течение нескольких лет после III Поместного Собора обновленцев их влияние быстро уменьшалось. Если на 1 октября 1925 г. им принадлежало в целом по стране 9093 прихода (около 30% от общего числа), то на 1 января 1926 — 6135 (21,7%), а на 1 января 1927 г. — 3341 (16,6%). Это падение прекратилось только в середине 1927 г. Причиной стали, прежде всего, тяжелейшие потрясения и новые расколы в Патриаршей Церкви. 10 декабря 1925 г. ОГПУ арестовало Местоблюстителя митр. Петра и вскоре спровоцировало так называемый «григорианский раскол». Затем последовали новые аресты, в результате которых число Местоблюстителей и их Заместителей возросло до 13 человек. В этой обстановке митрополит Сергей (Старгородский), вставший весной 1927 г. после освобождения во главе Патриаршей Церкви, согласился с предложенным планом «легализации», допуская контроль государственных органов над важнейшими сторонами церковной жизни. Для многих представителей верующих и духовенства подобная позиция, несмотря на ее значительную оправданность, все же оказалась неприемлемой. В конце 1927 — начале 1928 года произошли «иосифлянское», «викторианское» и другие разделения.

В это время в обновленчестве вновь временно усилилось реформаторское крыло. 10 февраля 1927 г. на Ленинградском епархиальном съезде под влиянием А. Боярского были приняты предложения организационной комиссии: «Стремление к осмысленному совершению богослужения, в этом отношении допускается проявление творческой инициативы с ведома ЛЕУ, как, например, допущение русского языка при богослужении, выявление забытых богослужебных чинов, допущение пения во внебогослужебное время духовных стихов православного содержания и т.п.»⁶⁷. Февральский 1927 г. пленум Си-

⁶⁶ ВСС 1926. № 10 (6) С. 3.

⁶⁷ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 9, д. 47, л. 56.

нода потребовал от подведомственного ему епископата и духовенства четкого изложения реформаторской сути движения. «Надо, — заявил на пленуме А. Введенский, — смело и открыто выбрасывать флаг обновленчества, не сглаживая обновленческих лозунгов в угоду излишней осторожности. Половинчатое обновленчество, боязливо скрывающееся под покрывалом традиционности, как показал опыт, не имеет шансов на успех»⁶⁸. Однако обновленцы недолго смогли беспрепятственно проводить свою новую тактику воспитания в реформаторском духе «сознания верующего народа».

С рубежа 1928–1929 гг. начали быстро нарастать массовые гонения и репрессии против всех течений Русской Православной Церкви. Произошло существенное изменение курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с Генеральным секретарем И. В. Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне и т. д. Выступавшие против него сторонники Н. И. Бухарина оказались отстранены от ведущих постов в государстве и партии. В период ликвидации нэпманов, кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов, охранителя старого.

В принятом в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов «Обращении ко всем трудящимся...» говорилось, что «борьба на антирелигиозном фронте есть только один из видов классово-политической борьбы, которую ведет труд против капитала»⁶⁹. Именно в этот период — 8 апреля 1929 г. появился закон ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», который с небольшими изменениями до конца 1980-х годов регулировал вопросы организации, возможности и границы деятельности религиозных объединений. Вся жизнь последних окончательно ставилась под контроль государства, запрещалась литературная, ремесленная, общественная, благотворительная деятельность и т. д.⁷⁰.

С 1928 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация приходских храмов «силовым порядком», в том числе и обновленческих. Если в 1927 г. по России было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 г. — 542, а в 1929 г. — 1000⁷¹. В 1933–1934 гг. власти запретили колокольный звон, с действующих церквей сняли и переплавили почти все колокола. В то время репрессии в основном обрушивались на духовенство Патриаршей Церкви, но задевали они и подлинных реформаторов — обновленцев, не желавших быть политическими конъюнктурщиками. В начале 1934 г. был вновь арестован и позднее в 1937 г. расстрелян А. Боярский, бывший тогда митро-

⁶⁸ ВСС. 1927 № 2. С. 8–9.

⁶⁹ В. А. Алексеев. «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. № 5. С. 41.

⁷⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

⁷¹ Л. Регельсон. Указ. соч. С. 257.

политом Ивановским. Сильно беспокоило власти появление в Синодальной Церкви молодых священнослужителей, мечтавших о действительном обновлении и не склонных к компромиссам с государственными чиновниками. Весной 1934 г. ОГПУ инсценировало в Ленинграде «дело Захарие-Елизаветинского братства», якобы контрреволюционной организации, смыкавшейся с троцкистами, арестовав по нему 8 молодых священнослужителей⁷².

Оказалась свернутой и обновленческая пропаганда. В 1929 г. прекратились диспуты А. Введенского, ему «посоветовали» из Москвы не выезжать и разрешили проповедовать лишь в одном храме Петра и Павла на Басманной улице. В 1931 г. прекратили существование Ленинградский Богословский институт и Московская Духовная Академия, на которые возлагались большие надежды, перестал выходить «Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви».

Под ударами с разных сторон реформаторское крыло окончательно уступило охранительному. В начале 30-х годов обновленцы стали отказываться от еще уцелевших нововведений. В мае 1932 г. на пленуме Синода даже А. Введенский доказывал необходимость «блюсти традиции» православия, говорил о достоинствах церковнославянского языка и т. п. Пленум принял решение ввести всюду единообразие в богослужении, прекратить использование в нем русского языка, ограничить всякое «творчество» в области церковной жизни, подчинив в этом отношении священников всецело усмотрению архиерея⁷³. В свою очередь, Патриаршая Церковь начала вводить некоторые новшества. В постановлении митр. Сергия от 30 октября 1929 г. допускалось проведение общей исповеди. Разрешалось совершать богослужение в храме при «малом освящении» и на походном антиминсе. Было рекомендовано ежесубботное причащение, не порицалось оно и раз в год. 28 мая 1930 г. патриарший Синод разрешил духовенству заочно отпевать умерших по просьбе близких. Допущение русского языка в богослужениях больше не считалось «непреодолимым препятствием». В январе 1931 г. с 40 до 30 лет был снижен возрастной ценз для посвящаемых в сан. В 1934 г. позволили венчать находившихся ранее в брачных отношениях, не освященных Церковью. Местным архиереям предоставлялось право решать, может ли священник носить штатскую одежду⁷⁴. Таким образом, различия между двумя основными течениями православия отчасти стерлись.

Однако с середины 1933 г. под давлением государственных органов обновленцы начинают усиливать борьбу с «тихоновцами». 7 августа Синод предписал епархиальным управлениям установить наблюдение за монашествующим духовенством, прежде всего староцерковной ориентации, «ведущим противцерковную деятельность», и осуществлять строгий учет занимаемых ими приходов⁷⁵. А 19 сентября руководящий орган обнов-

⁷² А. Краснов-Левитин. Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977.

⁷³ Н. Ф. Платонов. Православная церковь в 1917–1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 269.

⁷⁴ М. С. Корзун. Русская Православная Церковь 1917–1945 гг. Минск, 1987. С. 86–87.

⁷⁵ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 492.

ленческой Церкви, который после смерти в мае 1930 г. митр. Вениамина возглавлял митр. Тульский Виталий (Введенский), постановил: «...староцерковничество определить как еретичествоующий раскол и явное противление заветам Христа Спасителя... предупредить всех верующих, чтобы они, во имя спасения своей души, избегали принимать святые таинства у староцерковников и чтобы избегали посещать староцерковнические храмы, ибо через общение с отделившимися от Православной Церкви они сами порывают духовное единение с нею...». Этим указом все рукоположения, совершенные сторонниками Патриарха Тихона, после 10 мая 1922 г. объявлялись недействительными. Клирики, переходящие в обновленчество, должны были приниматься через покаяние, а храмы — через переосвящение⁷⁶. Таким образом, примирение двух основных течений в Православной Церкви становилось почти невозможным. Даже у многих представителей обновленческого духовенства постановление Священного Синода от 19 сентября вызвало негативную реакцию.

Правда, вскоре междоусобная борьба в Русской Церкви отошла на задний план. Убийство в декабре 1934 г. члена Политбюро ЦК ВКП(б) С. М. Кирова было использовано для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, но особенно пострадали духовенство и верующие. Гонения на религиозные организации в 1930–1938 годы шли по нарастающей. Требовались все новые жертвы для обоснования бесчеловечной и авантюристической концепции Сталина об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма. И Церкви отводилось место только в лагере противников этого строительства. В конце 30-х годов общественное мнение уже обрабатывали таким образом, чтобы создать представление о подготовке в стране широкого заговора духовенства, руководимого зарубежными центрами и направленного на свержение Советской власти. Для этого органами НКВД выстраивалась версия, что подобные шпионско-диверсионные организации действуют во многих областях СССР⁷⁷. Фактически встал вопрос о самом существовании Православной Церкви, религии в стране.

В Ленинграде уже в январе 1935 г. был составлен план ликвидации за три года всех функционирующих храмов, в том числе и обновленческих⁷⁸. А весной власти заставили ликвидировать Священный Синод. 29 апреля он издал свой последний указ «Об упразднении коллегиальной системы управления», согласно которому вся верховная власть в обновленческой Церкви теперь передавалась одному лицу — Первоиерарху с титулом «Ваше Первоосвятительство», им стал митр. Виталий (Введенский). Были ликвидированы также епархиальные управления, благочиннические советы. Власть в митрополиях и епархиях полностью переходила к правящим архиереям⁷⁹ (впрочем, подавляющее большинство из них недолго пользовалось ею).

⁷⁶ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 496–497.

⁷⁷ В. А. Алексеев. Цели разные, участь общая // Агитатор. 1989. № 21. С. 39–40.

⁷⁸ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 2, д. 54, л. 7.

⁷⁹ А. А. Шишкин. Указ. соч. С. 351.

С конца 1935 г. развернулись массовые аресты епископата, духовенства, активных мирян. Особенного размаха они достигли в 1939 г. Руководство антирелигиозной кампанией возглавлял лично нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Были арестованы и погибли почти все обновленческие архиереи, среди них такие известные, как митр. Сибирский Петр (Блинов) и др. Тяжелый удар своей пастве нанес митр. Ленинградский Николай (Платонов). В январе 1938 г. он публично заявил в газете «Известия» об отречении от сана и веры в Бога. Видимо, желая в обстановке террора спасти свои жизни, от сана отреклось еще несколько обновленческих священников. В результате гонений властей к 1939 г. в таком крупнейшем центре обновленчества, как Ленинград, осталось лишь 2 их храма и около 10 священнослужителей. Подобное положение было и в других епархиях. В 1939 г. Первоиерарх запретил епархиальным архиереям всякие рукоположения, теперь и на густовавшие кафедры он никого не назначал. Обновленческая Церковь постепенно умирала.

2.4. *Ликвидация обновленческого раскола в период Великой Отечественной войны*

Годы Великой Отечественной войны стали временем ликвидации болезненного для Русской Церкви обновленческого раскола, спровоцированного и в значительной степени организованного государственными органами в период НЭПа. Правда, с началом войны обновленчество пережило кратковременный период оживления своей деятельности. Уже 22 июня Первоиерарх митрополит Виталий (Введенский)⁸⁰ и заместитель Первоиерарха митрополит Александр (Введенский) выпустили яркое патриотическое воззвание. Оно было написано Александром Введенским, обладавшим ораторским и литературным талантами. Близко знавший заместителя Первоиерарха А. Левитин позднее писал, что тот взялся за дело «с необыкновенной энергией»: «Война снова выдвинула его в первые ряды. В эти дни все люди с популярными именами шли в ход»⁸¹.

Впрочем, Александр Введенский недолго оставался заместителем. Митрополит Виталий, неспособный из-за болезней, возраста и характера проявлять необходимую активность, постепенно уходил от дел. В сентябре 1941 г. он отпраздновал 50-летие своего священнослужения, но это было последнее его служение в качестве Первоиерарха. 6 октября митр. Виталий ушел в отпуск и передал власть своему заместителю. 10 октября в новом заявлении он уточнил свой уход, охарактеризовав как бессрочный, и указал, что все свои полномочия и прерогативы передает Александру Введенскому, назвав его новым титулом — «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР». Титул был введен без санкции Собора, но все обновленческие иерархии одобрили его. 12 октября А. Введенский в качестве Первоиерарха написал свое первое патриотическое воззвание⁸².

⁸⁰ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 5, л. 3–5.

⁸¹ А. Левитин, В. Шауров. Указ. соч. Т. 3. С. 376.

⁸² А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 545–550.

В эти октябрьские дни тяжелых боев под Москвой, когда не исключалась сдача столицы, А. Введенский был вызван в отдел эвакуации Московского городского Совета, и там, по свидетельству А. Левитина, генерал госбезопасности сообщил, что митрополита Александра с семьей и митрополита Виталия в ближайшее время эвакуируют в Оренбург. «Там, в глубоком тылу, вам будет удобнее управлять церковью, — вежливо заключил он разговор». Все возражения Введенского были отвергнуты. На указание полной невозможности оставить Москву без обновленческого архиерея, генерал предложил рукоположить молодого архимандрита, служившего настоятелем Воскресенского собора в Сокольниках Сергия (Ларина), уже несколько лет связанного с органами госбезопасности⁸³.

В срочном порядке 9 и 11 октября были проведены хиротонии во епископа Коломенского Анатолия (Филимонова) и во епископа Звенигородского Сергия (Ларина). А 12 октября состоялось последнее заседание обновленческого Высшего Церковного Управления, на котором произошло принятие решения об упразднении ВЦУ и переходе всей полноты церковной власти к Первоиерарху с правом передачи ее по его усмотрению любому лицу из иерархии. Было решено также образовать Московское епархиальное управление в составе двух новых архиереев, под председательством епископа Коломенского Анатолия. Кроме того, ВЦУ на своем последнем заседании единогласно постановило лишить сана и отлучить от Церкви с анафематствованием бывшего Ленинградского митрополита Николая (Платонова), в 1938 г. отрекшегося от Бога. Постановление было послано благочинному церковью Ленинграда протопресвитеру Алексию Абакумову для опубликования в храмах города. Следует отметить, что в январе 1942 г. незадолго до своей смерти в голодном блокадном Ленинграде, согласно некоторым свидетельствам, Платонов раскаялся и вновь был принят в молитвенное общение с Патриаршей Православной Церковью⁸⁴.

13 октября Первоиерарх и митрополит Виталий в одном вагоне с руководителями Московской Патриархии, баптистских общин, старообрядческим архиепископом выехали на восток и через несколько дней прибыли в Ульяновск. Там почти 2 года и находилась резиденция главы обновленческой церкви. Служил А. Введенский в небольшом храме в отдаленном районе Ульяновска, отданном обновленцам осенью 1941 г. (ранее он использовался органами НКВД под склад). Обладавшему большим честолюбием Введенскому очень хотелось сделать еще один шаг и официально объявить себя Патриархом. 29 октября и 4 ноября 1941 г. он отправил в Московское епархиальное управление письма, подписанные — «Первоиерарх-Патриарх Александр» с указанием поминать его по формуле: «Великого Господина и отца Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха Александра, Патриарха Московского и православных церковей Богохранимой страны нашей». 4 декабря в Ульяновске состоялась его патри-

⁸³ А. Левитин, В. Шавров. Указ. соч. Т. 3. С. 383–384.

⁸⁴ В огне войны. Русская православная церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии (Публикация М. В. Шкаровского) // Русское прошлое. Кн. 5. СПб., 1994. С. 263; А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 552–553.

аршая интронизация. Эта акция была совершена без санкции обновленческого епископата и общин. Большая часть духовенства восприняла ее негативно. Московское епархиальное управление также высказалось против патриаршества Введенского и не дало указаний церковным приходам возносить его по новому титулу. В результате в конце декабря 1941 г. глава обновленческой Церкви, вероятно также под воздействием государственных органов, вынужден был отказаться от титулования себя Патриархом⁸⁵.

В Ульяновске Первоиерарх продолжал активно писать патриотические воззвания. Так, 23 июня 1942 г. он выпустил послание к годовщине начала Великой Отечественной войны, а в августе послание «Пастырям и мирянам Кавказа», где было сильно влияние обновленцев: «Братья и сестры наши возлюбленные, в грозный час обращаемся мы с нашим первосвященническим словом. Враг беспощадный топчет родные земли Кавказа, заливая их кровью и огнем... Православные! Все, от священства и до малейшего мирянина, все способные братья, боритесь!... А если Господь судит, по своему промыслу, временно попустить врагу теснить нас, то даже находясь в оккупации, не складывайте своего оружия. Подобно другим вашим братьям, которые оказались в оккупации, не склоняйте своей главы пред сатаной, боритесь с ним... Бог — Великий Мститель за попираемую правду. Бог Вседержитель, да сохранит вас, да освободит Родину нашу. Да воссияют в ней мир и свободная жизнь. Молитесь, православные. Братья и сестры, помолившись, идите бороться и побеждать»⁸⁶. В апреле 1943 г. воззвание Первоиерарха, приуроченное к празднику Пасхи, было издано типографским путем в количестве 6000 экземпляров и распространено на оккупированной территории⁸⁷.

Духовенство обновленческих храмов все годы войны честно исполняло патриотический долг. Оно звало людей на ратные и трудовые подвиги, собирало средства для раненых воинов, в фонд обороны и т. д. Так, в Спасо-Преображенском кафедральном обновленческом соборе Ленинграда молебен о даровании победы Красной Армии впервые отслужили 29 июня 1941 г. В этот же день было положено и начало сбору добровольных пожертвований на оборону. Управляющий епархией протопресвитер Алексей Абакумов обратился с речью к прихожанам: «Коварный враг вероломно напал на наше отечество, намереваясь поработить землю Русскую и обратить в ничто многолетние труды ее обитателей. Огнем и мечом угрожает он нашим городам и селам, смертью устрашает сопротивляющихся, узы рабства готовит свободолюбивым сынам нашей Родины. С дерзновением восстанем против злых умыслов неприятеля, не перестанем умолять Господа о даровании победы Красной Армии и живым делом помощи откликнемся из стен нашего собора на призыв Прави-

⁸⁵ А. И. Козаржевский. А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 1. С. 64; А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 555–563.

⁸⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 20–21.

⁸⁷ Там же. Л. 4.

тельства об общем сопротивлении врагу»⁸⁸. На известие о войне регент хора, комендант храма А. Ф. Шишкин отозвался сочинением талантливого произведения для церковного хора на текст: «Боже великий и вечный, святой... Силою Твоею защити страну нашу. Господи. Господи! Победи крестом Твоим борющую ны...». Этот концерт одобрил известный церковный композитор В. А. Фатеев, умерший во время блокады⁸⁹.

Ленинградские обновленцы продолжали свою патриотическую деятельность и дальше. Только в апреле 1942 г. они внесли в фонд обороны 240 тыс. рублей. Но к этому времени в Спасо-Преображенском соборе в результате смерти от голода трех членов причта остался единственный служащий священник — протопресвитер П. Фруктовский, который едва справлялся со своей службой. Наконец 24 февраля 1943 г. двадцатка вступила в переговоры с заштатным обновленческим протоиереем Сергием Румянцевым. Он был приглашен на вакансию второго священника с тем, чтобы впоследствии занять и остававшуюся уже пять лет вакантной обновленческую Ленинградскую архиерейскую кафедру. В марте сектор административного надзора Ленгорисполкома удовлетворил ходатайство двадцатки о регистрации С. Румянцева, вскоре он был удостоен сана протопресвитера. Его кандидатуру на архиерейскую кафедру утвердил Первоиерарх, который 8 апреля прислал С. Румянцеву телеграмму: «Предлагаю Вам немедленно прибыть ко мне в Ульяновск Радищева 103 для хиротонии во епископа Ленинградского»⁹⁰.

В 1942 г. в Ульяновске уже была совершена одна архиерейская хиротония во епископа Рыбинского Димитрия (Лобанова), но в этот раз власти разрешили выехать ленинградскому протопресвитеру только в Москву. В столице 18 апреля 1943 г. и состоялась последняя хиротония обновленческого епископа, им стал Сергей Румянцев, женатый и имевший детей. В Московском Воскресенском соборе в Сокольниках его рукоположение во епископа Ладожского, викария Ленинградского с поручением временно управлять Ленинградской епархией, совершили архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) и епископ Ташкентский и Среднеазиатский Сергей (Ларин). Румянцев, уважаемый прихожанами, был избран ими, а не назначен сверху. Этот случай явился «лебединой песней» обновленческого брачного епископата⁹¹. К середине 1943 г. Первоиерарх управлял тринадцатью правящими архиереями (6 митрополитами, 4 архиепископами, 3 епископами), и кроме того более 10 иерархов находились на покое, в качестве безместных. Ощущалось явное «перепроизводство» обновленческих архиерейских кадров, и А. Введенский назначал их, главным образом, на священнические места.

В 1943 г. патриотические взносы обновленцев еще более выросли. Спустя месяц после своей хиротонии, 21 мая епископ Сергей (Румянцев) обра-

⁸⁸ ЦГА СПб, ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 4.

⁸⁹ Там же, л. 13.

⁹⁰ Там же, ф. 7384, оп. 33, д. 67, л. 101.

⁹¹ В огне войны. Русская православная церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии (Публикация М. В. Шкаровского). С. 263.

тился с посланием к первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданову, опубликованным в «Ленинградской правде»: «По настоящий момент мы, ленинградские православные обновленцы, собрали и внесли в фонд обороны 820000 рублей и с неослабевающей энергией и любовью продолжаем сбор средств. Молю Господа, да подаст он Вам, вождь трудящихся города Ленинграда, дорогой Родине и героической Красной Армии скорейшую, полную победу над врагом»⁹². В число первых церковных деятелей, награжденных в октябре-ноябре 1943 г. медалью «За оборону Ленинграда», вошли и представители обновленчества — епископ Сергей, протоиерей Лев Егоровский и не менее 5 служащих Спасо-Преображенского собора. В наградной характеристике Румянцева от 22 ноября 1943 г. говорилось: «Принимал активное участие среди верующих обновленческой ориентации в сборе средств в фонд обороны государства. Собрано и внесено на оборону около полутора миллионов рублей»⁹³. Общую цифру патриотических денежных взносов обновленцев СССР установить не удалось. Понятно только, что она составляла несколько десятков миллионов рублей — ленинградцы пожертвовали всего около двух миллионов рублей, еще больше внесли москвичи и т. д.

Весна-лето 1943 г. стали последним периодом относительной стабильности обновленчества. В начале мая Первоиерарх разослал архиереям телеграмму: «В воскресенье 9/V предлагаю отпраздновать двадцатилетний юбилей Собора 1923 г. После литургии отслужите благодарственный молебен и передайте мое первосвятительское благословение духовенству и мирянам, дабы вся церковная жизнь епархии точно и неизменно основывалась на принципах великого Собора 1923 года. Надо всегда помнить, что мы, православные обновленцы, твердо сознаем свое обновленческое достоинство». Юбилей был торжественно отпразднован. Епископ Ладожский Сергей в архипастырском слове после молебна даже заявил: «Сейчас в дни войны путь церковно-общественной жизни, принятый Собором 1923 года, оправдался в полной мере»⁹⁴. Однако, уже через несколько месяцев стала ясна полная ошибочность этих слов.

Оживление обновленчества в начальный период войны оказалось очень кратковременным. Да и в то время большинство окормляемых А. Введенским архиереев старались не афишировать свою юрисдикцию и как можно меньше отличаться от «староцерковников». Возросшие в годы войны авторитет, нравственная мощь, организационное укрепление Московской Патриархии, а также изменение отношения государства к ней способствовали изживанию остатков церковных расколов «слева». В 1942 — первой половине 1943 гг. государственные органы постепенно стали отвергать обновленцев. Так, когда в апреле 1942 г. Первоиерарх назначил митрополита Корнилия (Попова) на Воронежскую кафедру, в облисполкоме последнему отказали в регистрации, заявив, что не знают Первоиерарха Александра

⁹² Ленинградская правда. 1943. 3 июня.

⁹³ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 38, д. 123, л. 197 об.

⁹⁴ ЦГА СПб, ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 39–40.

Введенского и не могут регистрировать присылаемых им лиц, а вот Патриаршего Местоблюстителя Сергея знают и с удовольствием регистрируют назначенного им епископа. Почти то же произошло и с архиепископом Филаретом (Яценко), назначенным весной 1942 г. в Свердловск. Обновленцев игнорировали при составлении комиссий по расследованиям преступлений гитлеровцев и т.д.⁹⁵ Характерно, что когда Первоиерарх пожертвовал в фонд обороны свою драгоценную панагию, И. Сталин в своей благодарственной телеграмме обратился к нему как к частному лицу, назвав его по имени и отчеству. Когда в феврале 1943 г., следуя примеру Московской Патриархии, «для опровержения клеветы фашистов о положении религии в СССР» А. Ф. Шишкин написал книгу «Церковь и Государство в России», печатать ее отказались — необходимость в подобной обновленческой литературе миновала⁹⁶.

Единичные случаи перехода храмов обновленцев в Патриаршую Церковь появились уже в 1942 г. Так, Серафимовская кладбищенская церковь в Ленинграде перешла в юрисдикцию митрополита Алексия (Симанского) в апреле, а Князь-Владимирский храм на станции Лисий Нос — в сентябре этого же года⁹⁷. В начале 1943 г. часть обновленческих архиереев, осознавая надвигавшийся крах обновленчества, стала искать пути к возвращению в Патриаршую Церковь. Епископ Звенигородский Сергей (Ларин) вступил в конфиденциальные переговоры с митрополитом Николаем (Ярушевичем) об условиях, на которых могло бы произойти воссоединение. Еп. Сергей готов был пожертвовать Александром Введенским, чтобы обновленческие священнослужители воссоединились в сущем сане, хотя и с пожизненным запрещением женатых епископов. Когда об этих контактах стало известно Первоиерарху, он перевел (5 апреля) Ларина из Москвы в Ташкент, и переговоры заглохли⁹⁸.

Весной 1943 г. началось все нарастающее стихийное возвращение обновленческих приходов в Патриаршую Церковь, однако окончательный перелом произошел в конце года. Решающими факторами здесь явились избрание Сергея Патриархом и прием И. Сталиным церковного руководства, удовлетворение предложений и пожеланий последнего. Обновленчество утрачивало свои позиции в глазах правительства. В секретном докладе Г. Карпова И. Сталину от 12 октября 1943 г. указывалось: «В связи с избранием Сергея патриархом Московским и всея Руси, среди духовенства обновленческой церкви отмечается растерянность. Одна часть обновленческого духовенства не видит перспектив сохранения обновленческого течения и высказывает желание перейти в Сергиевскую церковь. Со стороны некоторых из них есть даже прямые обращения в Московскую патриархию». В докладе приводились многочисленные конкретные примеры. Так, архиепископ Тульский Петр (Турбин) прислал митрополиту Николаю (Яру-

⁹⁵ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 581.

⁹⁶ ЦГА СПб, ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 45.

⁹⁷ В огне войны... С. 263.

⁹⁸ В. Цыпин, прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994. С. 125.

шевичу) телеграмму, в которой приветствовал избрание Патриарха, выражал надежду на соединение обеих Церквей и просил принять его в юрисдикцию Патриархии. Заштатный архиепископ Михаил (Постников), проживавший в Москве, в своем заявлении митр. Николаю также высказался за необходимость объединения Церквей. А управляющий Московской обновленческой епархией архиепископ Андрей (Расторгуев) даже обратился к настоятелю патриаршей церкви на Пятницком кладбище с просьбой принять его на службу в качестве второго священника. Г. Карпов подчеркивал, что «отмечены также случаи, когда верующие обновленческих приходов стремятся уйти из обновленчества и перейти в подчинение патриарха Сергия». Например, в трех районах Ставропольского края они отказались от обновленческих священников и обратились к благочинному патриарших храмов, прося назначить им настоятелей. Приходы в городах Армавире и Майкопе Краснодарского края уже перешли в Патриархию. В Туле 20 сентября 1943 г. на собрании прихожан обновленческого собора Всех Святых была принята резолюция: «В переживаемое наше тяжелое время не место в жизни Православной Русской Церкви внутренним спорам и разногласиям... Приветствуем с духовной радостью избрание на пост главы Православной Церкви митрополита Сергия и образование Священного Синода. Выражаем надежду на будущее умиротворение и соединение Православной Русской Церкви»⁹⁹ и т. д.

Обновленческому епископату было не все равно, раскаиваться при воссоединении индивидуально или объединиться с Патриаршей Церковью, создав общий коллегиальный орган типа Синода, что внешне бы выглядело, как добровольное слияние двух равноправных течений в Русском Православии. В сентябре — начале октября 1943 г. архиереи «Московского епархиального управления», во многом игравшего роль руководящего центра обновленчества в период эвакуации Первоиерарха, начали проявлять инициативу в направлении создания подобного коллегиального органа. Однако из нее ничего не вышло. Помешали ширящийся переход кающихся обновленческих священников в Патриархию, отрицательная позиция Патриарха Сергия и возвращение в Москву А. Введенского. Первоиерарх еще в июне 1943 г. высказывал «большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации»¹⁰⁰, но получил разрешение властей переехать в столицу только в середине октября.

А. Введенский не желал смириться с надвигавшимся крахом обновленчества и считал, что оно может сохраниться в качестве своеобразного течения — типа старообрядческого толка или секты. При этом он опирался на наиболее стойкую часть епископата — митрополита Свердловского Филарета (Яценко), епископов Сергия (Румянцева), Димитрия (Лобанова) и некоторых других. Г. Карпов в докладе от 12 октября 1943 г. писал, что А. Вве-

---

⁹⁹ «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладная записка председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину 1943–1946 гг. (Публикация М. И. Одинцова) / Исторический архив 1994. № 3. С. 143–144.

¹⁰⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 18.

денский, «не допуская возможности объединения обеих церквей на равных началах», «узнав об избрании Сергия патриархом, предполагал даже ставить вопрос о патриаршестве в обновленческой церкви в целях уравнивания ее положения с Сергиевской церковью», но, видя растерянность среди своего духовенства и возможность распада обновленчества, отказался от своего намерения¹⁰¹.

Вернувшись в столицу, Первоиерарх вступил в управление Московской епархией, состоявшей из 9 приходов. К 7 ноября он, по установившейся традиции, послал телеграмму И. Сталину, опубликованную в прессе. Однако юридическое положение обновленчества оставалось неясным. В связи с образованием двух государственных органов, курировавших религиозные организации, А. Введенский поставил вопрос о передаче обновленческой Церкви в ведение Совета по делам религиозных культов, что фактически узаконило бы ее существование как полностью независимой организации. Но Первоиерарху без каких-либо оснований отказали в просьбе, возглавляемые им иерархи и приходы остались в ведении Совета по делам Русской Православной Церкви. Власти отказывались рассматривать обновленчество как независимое религиозное течение, и это не предвещало ничего хорошего¹⁰².

Осенью 1943 г. позиция государственных органов уже окончательно определилась. В упоминавшемся докладе И. Сталину Г. Карпов, излагая свою точку зрения, писал, что возглавляемый им Совет, «исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь». Эти соображения получили полное одобрение председателя Совнаркома, написавшего на докладной записке две резолюции: «Тов. Карпову. Согласен с Вами. И. Сталин» и «Правильно. И. Сталин». 16 октября Г. Карпов направил в Совнаркомы союзных республик, в краевые и областные исполкомы секретное письмо: «Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР сообщает для сведения, что в тех случаях, когда обновленческое духовенство по своему желанию переходит из обновленческой ориентации в патриаршую сергиевскую церковь, препятствовать не следует. Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в сергиевскую церковь. Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергий и на месте его епископат»¹⁰³.

Выбор И. Сталина в пользу Патриаршей Церкви был продиктован прежде всего прагматическими соображениями. Обновленчество не пользовалось ши-

¹⁰¹ «Русская православная церковь встала на правильный путь». С. 144.

¹⁰² А. Левитин, В. Шапов. Указ. соч. Т. 3. С. 397.

¹⁰³ «Русская православная церковь встала на правильный путь». С. 144–145, 148; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 16.

рокой поддержкой верующих внутри страны и за рубежом, большая часть Поместных Православных Церквей их не признавала, воспринимая как «раскольников» и «узурпаторов церковной власти». Кроме того на оккупированной территории германским командованием были закрыты почти все обновленческие храмы, а духовенство репрессировано, в то время как там появились тысячи новых патриарших церквей. Причина отвержения обновленчества заключалась и в том, что относительно консервативная Московская Патриархия в гораздо большей степени являлась носителем национальных традиций. Это было особенно важно в годы войны.

Патриархия заняла по отношению к кающимся обновленцам твердую линию. Причем она несколько ужесточилась в течение последних месяцев 1943 г. В первой половине октября в беседе с Г. Карповым Патриарх Сергей, возражая против какого-либо общения с А. Введенским, ставил «следующие условия принятия обновленческого духовенства: а) женатых митрополитов и епископов, не лишая сана, отстранить от церковной деятельности, оставив их за штатом; б) монашествующих (или вдовых) митрополитов и епископов принять в патриаршую церковь, но переводя митрополитов в архиепископы или епископы, а епископов в священники, допуская в последующем их восстановление в прежнем сане»¹⁰⁴. Однако после сессии Священного Синода 20–28 октября, рассматривавшей, среди прочих вопросов, прошения о воссоединении обновленческих митрополита Ярославского Корнилия и архиепископа Тульского Петра, эти условия стали более жесткими. В дальнейшем в сущем сане принимались только священнослужители, получившие его до 1923 г., когда обновленцы были запрещены Патриархом Тихоном, если они не вступали в брак. А диакон, священнослужители и епископы обновленческого поставления принимались мирянами или в том сане, который они имели до уклонения в раскол.

5 ноября 1943 г. в зале заседания Священного Синода в Москве был совершен чин приема в Патриаршую Церковь первого обновленческого архиерея — архиепископа Михаила (Постникова). Свое письменное покаяние он прочитал вслух и оказался принят в сане епископа, как рукоположенный в 1922 г., с назначением на Архангельскую кафедру. А затем в течение нескольких месяцев по стране прокатилась волна ликвидации обновленческих общин и массового возвращения духовенства. Произошло это не без вмешательства гражданских властей.

В декабре у А. Введенского родилась дочь и ему был выдан пропуск для поездки в Ульяновск к семье с правом возвращения в Москву. Однако затем в течение 10 дней ему не разрешили обратный выезд в столицу. За эти дни в юрисдикцию Патриарха перешли 6 из 7 обновленческих московских храмов и 21 декабря архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) со всем причтом кафедрального собора Воскресения в Сокольниках. Одновременно прекратилась связь с «цитаделью» обновленчества — Средней Азией. Отчаянные телеграммы Первоиерарха оставались без ответа, наконец им было получено сообщение, что Средне-Азиатская епархия признала Патриарха, «в связи с чем поминовение Вашего имени за богослужением нами прекращено». Епископ Таш-

¹⁰⁴ «Русская православная церковь встала на правильный путь». С. 144.

кентский Сергей (Ларин) 27 декабря был воссоединен мирянином, но вскоре после этого получил поставление во епископа Патриаршей Церкви. Позднее выяснилось, что из Средней Азии шли в Москву и Ульяновск к А. Введенскому десятки писем и телеграмм от священников и мирян с запросами, но ни одного из них Первоиерарх не получил. Вслед за Средней Азией «пали» две другие обновленческие «твердыни» — Кубань и Северный Кавказ¹⁰⁵.

Воссоединение принесшей покаяние общины ленинградского Спасо-Преображенского собора с Патриаршей Церковью произошло 9 января 1944 г. В феврале на заседании Священного Синода митрополит Алексей (Симанский) выступил с докладом о принятии им в церковное общение всех обновленческих приходов епархии¹⁰⁶.

Завершилась история обновленчества в Ленинграде принятием С. Румянцева в общение с Патриаршей Церковью. Его прошение на имя митр. Алексия было подано в июне 1944 г., однако к нему подошли особенно требовательно. В постановлении Священного Синода и Патриаршего Местоблюстителя от 28 июня указывалось: «Принимая во внимание крайний соблазн, посеянный среди духовенства и верующих Ленинграда принятием обновленческого епископского посвящения Румянцевым, служившим до последнего времени председателем православных двадцаток в ряде храмов Ленинграда и являвшимся, таким образом, представителем православных общин верующих, хотя Румянцев в то же время пребывал в обновленчестве, будучи заштатным обновленческим священником... для принятия его в каноническое общение с Православной Церковью, необходима такая же гласность его обращения, какую сопровождалось его выступление в качестве обновленческого епископа, когда им открыто совершались службы, посвящения клириков и произносились проповеди». Синод поручил принять Румянцева «через публичное покаяние по установленному для приема обновленческих епископов чину... как мирянина»¹⁰⁷. 24 июля последний в Никольском кафедральном соборе принес покаяние перед лицом архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова). Румянцев был принят как мирянин, но уже вскоре удостоен рукоположения в сан диакона и священника, став настоятелем Троицкой церкви в Лесном. Оставаясь пресвитером, он еще долго служил в Ленинграде.

Кроме правящих и пребывавших на покое обновленческих архиереев воссоединилось с Патриархией не менее 4 вернувшихся к 1945 г. из ссылки митрополитов и архиепископов. Всего, по некоторым сведениям, принесли покаяние 25 архиереев старого — до 1923 г. поставления, в том числе 2 марта 1944 г. митрополит Виталий (Введенский), и 13 архиереев нового поставления¹⁰⁸. Происходило оно, как правило, в зале заседания Священного Синода, покаяние рядового духовенства также совершалось келейно — в алтаре храма. Епархии, являвшиеся в основном обновленческими, при-

¹⁰⁵ ЖМП, 1944, № 1. С. 5; А. Левитин, В. Шааров. Указ. соч. Т. 3. С. 398–399.

¹⁰⁶ ЖМП, 1944, № 2. С. 9, 35–36.

¹⁰⁷ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 70.

¹⁰⁸ А. И. Козаржевский. Указ. соч. С. 64.

нимались архиереями, специально назначенными для этого Патриархией (Средне-Азиатская, Северо-Кавказская и Кубанская).

Попытки не столько принести покаяние, сколько воссоединиться, оставшись почти в полном одиночестве, начал предпринимать и глава обновленческой Церкви. В письме епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 г. Патриарх Сергей сообщал: «А. Введенский, по-видимому, собирался совершить нечто грандиозное или, по крайней мере, громкое. Прислал мне телеграмму: „Друг Друга обьемем!“, меня называет представителем религиозного большинства в нашем Православии, а себя — представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался Первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: „Введенскому А. И. Воистину Христос Воскрес! П. С.“»¹⁰⁹

Первоиерарх служил в единственном оставшемся у него Пименовском храме столицы, вместе с митрополитом Филаретом (Яценко), но последнему в конце 1944 г. московский уполномоченный Совета по делам РПЦ запретил служить как незарегистрированному. Перед Всероссийским Поместным Собором в январе 1945 г. А. Введенский пытался получить приглашение на него через Г. Карпова, но потерпел неудачу. Неудачей закончились и попытки встретиться с прибывшими в Москву на заседания Собора Восточными Патриархами. После этих тщетных попыток Первоиерарх стал поминать в храме нового Патриарха Алексия, а в июне 1945 г. написал ему письмо с просьбой о приеме в юрисдикцию Московской Патриархии. Начались переговоры. В частных беседах Введенский говорил, что готов принести покаяние с условием остаться в сане епископа, не запрещенного, а действующего. Но в сентябре последовало окончательное решение — он может быть принят лишь мирянином и занять единственное возможное место — рядового сотрудника «Журнала Московской Патриархии». Поэтому воссоединение не состоялось. 26 июля 1946 г. Первоиерарх умер от паралича, а 9 октября этого же года была отслужена последняя обновленческая литургия в Пименовском храме — накануне поступило предписание Совета по делам РПЦ о передаче церкви Патриархии¹¹⁰.

Таким образом, в 1946 г. остатки обновленчества фактически прекратили существование. Лишь архиепископ Александр (Щербаков) и митрополит Филарет (Яценко) еще несколько лет не сдавались. Первый приезжал из Казахстана, где он жил, в Москву, просил в Совете по делам религиозных культов зарегистрировать общину в г. Джамбуле, открыть там молитвенный дом, а его самого признать Первоиерархом, главой обновленчества. После неоднократных отказов, в 1948 г. он был принят в юрисдикцию Московской Патриархии в сане протоиерея. Митрополит Филарет не раз подавал прошения о принятии его в сане епископа, но получал отказы. Так и не покаявшись, он до середины 1950-х гг. считал себя заместителем Первоиерарха и продолжателем дела обновленчества, однако не имел ни одного прихода¹¹¹.

¹⁰⁹ В. Цыпин. Указ. соч. С. 126.

¹¹⁰ А. Левитин, В. Шауров. Указ. соч. Т. 3. С. 408–414; А. И. Козаржевский. Указ. соч. С. 65.

¹¹¹ А. И. Кузнецов. Указ. соч. С. 610–612.

Хотя обновленчество так же, как и Московская Патриархия, с началом Великой Отечественной войны заняло патриотическую позицию, к этому времени оно уже фактически изжило себя. Экстремальные условия, в которых оказалась страна, лишь наглядно выявили этот факт. Первые признаки начала стихийного процесса возвращения раскольниковых приходов и духовенства в Патриаршую Церковь появились в конце 1941–1942 гг. Ликвидация обновленческого движения сопровождалось давлением на них государственных органов. Советское руководство, руководствуясь прежде всего прагматическими соображениями, осенью 1943 г. сделало окончательный выбор в пользу Московской Патриархии. Его диктовала И. Сталину политическая ситуация в СССР и за рубежом. Кроме того, Патриаршая Церковь была кровно заинтересована в ликвидации расколов. И государственные органы, изменив в 1943 г. курс своей религиозной политики, не могли не учитывать это, полностью перестав поддерживать уже не интересовавшие их (в значительной степени созданные ими же в 1920-е гг.) церковные движения. К середине 1940-х гг. обновленчество практически полностью исчезло.

Реформаторское движение в Православной Церкви на время сошло с исторической арены, не сумев реализовать и небольшой части своих позитивных потенций. И главной причиной, погубившей обновленчество, способствовавшей его вырождению, были неблагоприятные политические условия, двуличная, глубоко антирелигиозная позиция Советского государства. Вынужденно отказавшись от коренных реформ, обновленчество превратилось, по меткому выражению историков А. Левитина и В. Шаврова, в «узкопрофессиональное поповское движение»¹¹², неспособное вызвать энтузиазм какого-либо более или менее многочисленного слоя верующих, и этим предопределило свой конец.

---

¹¹² А. Левитин, В. Шавров. Указ. соч. С. 395.